

листов были дороги. Население расплачивалось за них в основном пушнойной. В сельской местности функции медицинского работника часто выполняли педагоги. Так, в 1927 г. больным села Пенжино медицинскую помощь оказывал учитель.

Недостаток медицинского персонала наглядно представляет табл. 2, показывающая численность населения и территорию районов, приходившихся на каждого медика в 1927 г.

Таблица 2

Район	Население, чел.	Территория, кв. км
Петропавловский	704	54 853
Усть-Камчатский	586	67 354
Большеречский	707	45 915
Тигильский	805	60 293
Анадырский	1 912	288 396
Карагинский	2 979	95 282
Пенжинский	5 430	153 202
Чукотский	6 025	195 609

Примечание. Данные ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 4, л. 50.

В среднем в 1927 г. каждый медработник области, имевшей территорию 960 704 кв. км, обслуживал 1 020 чел. [5]. На одного врача в 1923 г. приходилось 17 445, в 1927 г. — 6 991, в 1937 г. — 1 435 чел. [6].

Рост численности врачей на Камчатке характеризуют данные табл. 3 и 4.

Таблица 3

Районы	Число врачей в 1927 г.	Число врачей в 1948 г.
Петропавловский	2	64
Усть-Камчатский	1	31
Усть-Большеречский	1	40
Тигильский	1	5
Карагинский	—	4
Пенжинский	1	2
Чукотский	—	14

Примечание. Таблица составлена по данным ГАХК, ф. р-683, оп. 1, д. 33, л. 23; оп. 2, д. 320, л. 48.

Таблица 4

Год	1918	1922	1924	1927	1928	1933
Врачей	5	2	5	6	8	40
Год	1936	1940	1941	1945	1947	1948
Врачей	57	93—110	124	95	122	160

Примечание. Таблица составлена по данным ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 4, л. 51; ГАХК, ф. 939, оп. 1, д. 176, л. 13—13 об.; ГАХК, ф. 719, оп. 6, д. 1, л. 47; ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 46, л. 5; ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 320, л. 48.

Несмотря на увеличение числа медицинских работников, огромный дефицит в кадрах не только не уменьшался или оставался стабильным, но из года в год повышался, поскольку численность населения Камчатки росла. Такая же картина наблюдалась и в Хабаровском крае. Так, в 1930 г. при наличии в крае 500 врачей их дефицит составлял 420 чел., а при наличии 960 средних медработников последних недоставало 722 чел. [7].

В 1936 г. для полного укомплектования кадрами сельских участков в распоряжение Камчатского облздрави были направлены 20 врачей [8]. Только за 1938 г. и за первую половину 1939 г. в область прибыли 57 медработников, из них 27 врачей и 30 чел. среднего персонала [9]. Но это пополнение не стало существенным. Уже к 1940 г. на Камчатке недостает 101 врача и 338 чел. среднего медицинского персонала, из них 111 акушеров [10].

Население сельской местности на протяжении ряда лет испытывало жизненную необходимость в медицинском персонале, особенно во врачах. Так, сеть медицинских учреждений восьми совхозов Камчатской области на 1 января 1940 г. состояла из четырех фельдшерско-акушерских пунктов, где прием вели четыре фельдшера. Врачей здесь не было [11].

Несколько медицинских пунктов и даже районов еще оставались не укомплектованными. Так, в Петропавловском городском районе не хватало 52 врачей, не было врача в Быстринском районе. Без докторов оставался ряд сельских участков Пенжинского и Тигильского районов, а также больниц при рыбокомбинатах.

В Усть-Камчатском районе в 1944 г. работали 11 врачей, в то время как по штату требовалось 18. Еще сложнее было положение со средними медицинскими работниками — не хватало 15 медсестер и 25 сестер-воспитательниц [12].

В 1946 г. последовало сокращение сети фельдшерских пунктов, причиной которого стал недостаток медицинских кадров.

В течение 1946—1947 гг. в распоряжение облздравотдела прибыли 55 врачей, 18 зубных врачей и 170 средних медицинских работников. Это пополнение дало возможность укомплектовать сеть необходимыми кадрами, но тоже не полностью. Уже в 1948 г. облздравотдел просил крайздравотдел направить на постоянную работу в область еще 50 врачей и 150 средних медицинских работников [13].

Национальные округа Камчатки постоянно испытывали потребность в медицинских кадрах. Во второй половине 1948 г. прибыло 50 % медработников Чукотского национального округа (ЧНО). Если принять во внимание, что в 1948 г. штатное расписание утверждало 158 их единиц, то общая укомплектованность сети медицинских учреждений на протяжении трех кварталов 1948 г. равнялась 35—40 % [14]. Большинство мелких населенных пунктов Корякского национального округа (КНО) в 1950 г. не имели медицинских

работников. Население, занятое в оленеводстве, медицинской помощи и вовсе не получало.

Совершенно неудовлетворительно обстояло дело с предоставлением населению специализированной медпомощи, особенно в сельской местности, где большинство больниц ее совершенно не оказывали. Больные были вынуждены терять много времени и средств на поездки для лечения в областной и краевой центры.

Камчатка на протяжении длительного времени испытывала острую потребность в специалистах: акушерах, фтизиатрах, окулистах, венерологах, хирургах. В 1924 г. на всю губернию имелась всего одна акушерка [15], а в 1936 г. в области трудилось восемь акушерок [16].

В 1949 г. из 18 районных больниц Камчатской и Нижне-Амурской областей лишь в 11 имелись хирурги, в семи венерологи, а фтизиатры работали только в двух районах [17]. Распределение врачей-специалистов по Камчатской области в 1948 г. показано в табл. 5.

Таблица 5

Специалисты	Число
Санитарные врачи	16
Хирурги	21
Акушеры-гинекологи	16
Терапевты	31
Педиатры	28

Примечание. Таблица составлена по данным ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 75, л. 42.

Министерство здравоохранения направило в 1949 г. в распоряжение Камчатского облздравотдела 49 врачей, в том числе пять хирургов, трех окулистов, двух венерологов, двух фтизиатров. Кроме того, для КНО были выделены: один хирург, три окулиста, один венеролог, пять фтизиатров, а для ЧНО — 10 врачей, в том числе три хирурга, окулист, по два венеролога и фтизиатра [18].

Несмотря на их приезд, специализированная помощь населению КНО оставалась неудовлетворительной. Ее предоставляли 33 врача и 127 средних медработников. В округе имелись всего четыре хирурга, три гинеколога, два педиатра, венеролог, окулист и фтизиатр [18].

Основной контингент приезжающих и работающих на территории Хабаровского края врачей составляли вчерашние выпускники медицинских институтов. Ощущался большой недостаток в опытных кадрах. По данным на 1 января 1940 г., в крае работали 822 врачей. Из них стаж до трех лет имели 195, свыше трех лет — 272, свыше пяти лет — 277 и свыше десяти лет — 78 чел. В Камчатской области имелись всего 24 врача со стажем работы более пяти лет, из которых только шестеро работали в районах [19]. При этом основная масса врачей с опытом работы в несколько лет находилась в городах, а почти

вся сельская сеть была укомплектована молодыми специалистами, только что закончившими вузы. В 1948 г. врачи Камчатской области по стажу работы распределялись следующим образом (табл. 6).

Таблица 6

До года	%	1—3 года	%	3—5 лет	%	5—10 лет	%	Свыше 10 лет	%
43	15,8	84	30,8	50	18,3	55	20,1	41	15

Примечание. Таблица составлена по материалам ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 75, л. 42.

Почти половина их — 46,8 % — имела стаж работы до трех лет. Таким образом, в области по-прежнему был в наличии высокий процент молодых специалистов. В национальных округах число медработников с незначительным опытом было еще больше (табл. 7).

Таблица 7

Стаж	До одного года	До трех лет	До пяти лет	До 10 лет	Свыше 10 лет
Врачи	11	13	18	4	2
Средний медперсонал	38	28	36	24	17
Зубные врачи	2	—	—	4	—

Примечание. Таблица составлена по данным ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 365, л. 36—37.

Больше 90 % медицинского персонала Чукотки имели стаж работы менее двух лет, из них более 50 % — менее одного года [14]. Работники, только что окончившие учебные заведения, без специального и жизненного опыта, не всегда могли обеспечить удовлетворительную работу медицинского учреждения.

Недостаток в специалистах узкого профиля и опытном персонале способствовал распространению на Дальнем Востоке, в том числе и на Камчатке, совместительства. Совмещая несколько специальностей, медицинский работник восполнял потребность учреждения в том или ином специалисте. Чаще всего совместителями были опытные сотрудники.

Табл. 8 свидетельствует о том, в каких специалистах нуждалась городская больница в 1930—1932 гг.

Таблица 8

Специальность	В наличии	По штату	По совместительству
Всего врачей	10,0	6,0	4,0
Терапевты	3,5	1,0	2,0
Хирурги	3,5	2,0	0,5
Гинекологи	0,5	—	0,5
Венерологи	1,0	1,0	—
Одонтологи	1,0	1,0	—
Неврологи	0,5	0,5	0,5

Примечание. Таблица взята из книги «Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях (1740—1990)», 1994. — С. 376.

На протяжении длительного времени врачи работали на 1,5—2 ставки, 85 % из них, трудившихся в больницах, имели основную или совместительскую работу в других медучреждениях [20].

Несмотря на широко практикуемое совместительство, покрыть огромный дефицит в кадрах не удавалось. Недостаток медицинского персонала в значительной степени усугублялся его нерациональной расстановкой: зачастую врачи работали не по специализации. Медиков с большим стажем направляли то в один пункт, в котором не оказывалась лечебная помощь, то в другой.

Санитарный врач из г. Петропавловска Петрова свидетельствует: «С первых дней работы я натолкнулась на возмутительное отношение ко мне со стороны Горздравотдела и Облздравотдела. Кратко это отношение может быть проиллюстрировано следующим: проработав около года, я до сих пор не имею закрепленного рабочего места, как и двое моих сотрудников». Приведем также выдержку из письма А. Н. Верцинской Камчатскому отделу здравоохранения: «...в течение года моей работы Облздрав не мог меня использовать так, как следует, и вполне достаточно меня швыряли с одной работы на другую... Сколько было желания, энтузиазма работать, сейчас совсем другое» [21].

В конце 1937 г. Наркомздрав стал выдавать врачам, направляемым для работы на Дальний Восток, путевки с указанием конкретной точки назначения. Крайздрав утратил право менять направление путевки и тем самым лишился возможности укомплектовывать медицинские учреждения по своему усмотрению, учитывая потребность учреждений в кадрах.

В целях рациональной расстановки врачебного персонала и для повышения эффективности их работы Крайздрав издал ряд распоряжений. На основании приказа Наркомздрава от 3 января 1943 г. № 180-0 была проведена проверка порядка приема врачей на работу и правильности применения их умений согласно полученной квалификации в лечебных учреждениях всех ведомств. Врачи, поступившие без направления здравотделов, отправлялись в их распоряжение для получения назначения. Заведующим здравотделами и руководителям медицинских учреждений запрещалось освобождать и принимать на работу врачей без санкций отделов руководства. Крайздрав предписал заведующим областными, районными и городскими отделами здравоохранения пересмотреть нагрузку каждого врача, сделав ее наиболее оптимальной для совместительства. Он также распорядился учесть всех неработающих врачей и принять меры к их использованию по специальности.

К 1939 г. направление медицинских работников по линии Наркомздрава проходило вполне удовлетворительно. В дальнейшем было решено не практиковать набор кадров по индивидуальной договоренности с работодателем, поскольку Камчатский облздравотдел становился в тяжелое финансовое поло-

жение ввиду выплат индивидуальных ставок, больших подъемных и выходных пособий. Так, в 1928 г. сумма, необходимая для приглашения персонала, была значительной, достигая 5—7 тыс. руб. [24].

Тем не менее, в ЧНО продолжали прибывать врачи без направлений центрального и краевого отделов здравоохранения, которые утверждались Чукотским окрздравом.

7 апреля 1945 г. появляется распоряжение, запрещающее заведующим городскими и районными отделами здравоохранения областного подчинения перемещать врачей и заведующих врачебными участками без согласия областных отделов здравоохранения.

Приказ по Хабаровскому краевому отделу здравоохранения № 294 от 14 октября 1950 г. освобождал от должностей врачей, трудившихся не по специальности, и направлял их в районы на работу по профилю. Впредь категорически запрещалось назначение врачей, прошедших специализацию, на работу не по специализации.

Таким образом, комплектование учреждений здравоохранения медицинскими кадрами на месте осуществлялось через совместительство и перестановку персонала. Пополнение персонала происходило за счет приезжающих специалистов. Молодые сотрудники, окончив учебные заведения, прибывали в составе медицинских отрядов и экспедиций по направлениям отделов здравоохранения.

С 1924 г. в национальных районах Камчатки появились врачебные отряды Российского общества Красного Креста (РОКК). Отряды состояли из врача, лекптома, акушерки и санитаря. Перемещаясь по населенным пунктам, они оказывали помощь жителям полуострова. В некоторой степени персонал отрядов заполнял существующую брешь в медицинских кадрах северных территорий Камчатки.

В 1928 г. за Камчатским округом была закреплена сеть таких отрядов. Тигильский отряд РОККа был перенесен в село Палана для обслуживания оседлых и кочевых коряков. Отряды прикреплялись к селению Хайрюзово для обслуживания кочевников этого района и к Пенжинскому району с центром в селении Пенжино с охватом кочевников части Анадырского и Карагинского районов.

Долгое время практиковалась разъездная медицинская помощь, как отрядами РОККа, так и отдельными фельдшерами в селениях, где не было медицинских пунктов. Дорога занимала полтора-два месяца. Не успевал врач или фельдшер развернуться на месте, как его требовали в соседнее селение. Не раз приходилось оставлять больных на попечение санитарок и выезжать в другие села. Фельдшер КНО Д. Д. Кубов вспоминает в своем письме в окрздравотдел: «Пока окружной центр не перебрался в Палану, здесь вообще

не было медицинских работников. Каждый год с мая по октябрь один раз в неделю приходил фельдшер с рыбоконсервного завода» [22, с. 89].

Разовая, эпизодическая помощь, которую оказывали отряды РОККа и прибывавшие в селения медицинские работники, была недостаточной для полного выздоровления больного.

В 1947 г. Министерство здравоохранения РСФСР направило на Чукотку две врачебные экспедиции сроком на шесть месяцев. Врачи только одной экспедиции обследовали 1 080 чел., из них 606 коренных жителей, выявили причины заболеваний: плохие бытовые условия и недостаточное медицинское обслуживание тундрового населения [23, с. 283]. Участники экспедиции оказали существенную помощь в налаживании работы местной лечебной сети.

В 1948 г. Чукотский окрздравотдел видел решение проблемы отсутствия кадров в приезде на Чукотку высококвалифицированных специалистов различных институтов, выезжавших на окраины страны на длительные сроки в составе экспедиций для изучения различных вопросов. «Здесь, на Чукотке, много очень важных для нашей медицинской науки проблем, которые ждут своего решения» [13].

Крайздрав стал направлять в национальные районы области врачебные экспедиции с целью выявления состояния здоровья населения. Чаще всего приезжали хирурги, терапевты, венерологи, фтизиатры и окулисты. В конце 1949 г. Крайздрав предусмотрел отправку в Пенжинский район отряда врачей по борьбе с инфекционными и венерическими заболеваниями среди коренного населения.

В 1950 г. на Камчатку направлялся противотуберкулезный передвижной отряд Хабаровского крайкома Красного Креста с флюорографической установкой, которым руководил врач-фтизиатр А. В. Хольцман. На отряд возлагались большие надежды по организации раннего выявления легочного туберкулеза, в первую очередь среди рабочих промышленных предприятий, в школах и других учреждениях.

После нескольких месяцев работы в национальных районах экспедиции составляли подробные отчеты, в которых подчеркивалась необходимость пополнения медицинских учреждений врачами, работа которых носила бы характер постоянный и систематический.

Из-за устойчивого дефицита медицинского персонала на всем Дальнем Востоке существовала практика «переманивания» специалистов, направляемых на Камчатку. Крайздрав вынужден был разрешать конфликты между различными отделами здравоохранения. Хотя на «переманивших» возлагалась персональная ответственность, эта практика продолжала существовать. Так, многие работники не доезжали до Чукотки. Например, в 1947 г. из 15 врачей, направленных через Владивосток, в ЧНО приехали только шестеро. Осталь-

ные девятеро на место не прибыли [25]. Теперь медицинский персонал из Хабаровска до Анадыря стали возить, в основном, воздушным путем, так как дорога через Владивосток требовала больше времени и была чревата потерей части медиков, заключавших соглашения с Приморским облздравом.

Одним из решений вопроса пополнения учреждений здравоохранения медицинскими кадрами являлась их подготовка в учебных заведениях Дальнего Востока. Для переподготовки ротных фельдшеров в 1922 г. в Благовещенске открылись двухгодичные фельдшерские курсы. Организовались курсы санитаров для армии, сестер милосердия, по подготовке персонала для летних сельских яслей. В национальных территориях работали курсы РОККа продолжительностью три-четыре месяца, сестринские курсы при культбазах.

В 1921 г. вновь открылась двухгодичная школа акушерок в Благовещенске. В 1932 г. медработников обучали в трех техникумах, на медрабфаке и краткосрочных курсах медицинских сестер, которые организовывались в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке при медтехникумах и крупных больницах. Имевшиеся во Владивостоке медицинский и фармацевтический техникумы (с 1925 г.) выпускали специалистов средней квалификации. Техникумы в Хабаровске и Благовещенске развернули свою деятельность лишь в конце 1931 г. Учебные заведения проводили ускоренные дополнительные выпуски медработников.

В начале 1930-х гг. Наркомздрав совершенно не направлял на Дальний Восток средний медицинский персонал. Имевшиеся в крае техникумы были не в состоянии подготовить достаточное количество специалистов со средним специальным образованием (фельдшеров, медицинских сестер, акушерок, фармацевтов). В край так же не направлялся средний санитарно-профилактический медперсонал, который здесь не готовился. Наркомздрав предоставлял краю медицинских работников, не учитывая особенностей национальных районов, в значительной степени не выполняя планов по направлению специалистов. Так, в 1931 г. вместо 220 по плану в край прибыли 100 (45,4 %) врачей. Из направленных в 1932 г. 200 молодых врачей приехали всего лишь 22, то есть 11 % [7].

В 1937 г. укомплектованность Камчатки средним медицинским персоналом составила 54,8 %, поэтому приказом по Хабаровскому крайздравотделу в 1938 г. в область был послан 21 выпускник Владивостокского медицинского училища. Ежегодно по линии Наркомздрава на Камчатку направлялось до 30 выпускников училищ и столько же приглашалось с материка [26, с. 61].

С осени 1935 г. техникумы стали называться фельдшерско-акушерскими школами. В 1935 г. уже выпускала фельдшеров медицинская школа города Биробиджана. В 1942 г. работала сестринская школа в Николаевскена-Амуре.

Подготовкой средних медицинских кадров на полуострове также занималась фельдшерско-акушерская школа. Для улучшения врачебно-санитарного дела облздравотдел рекомендовал открыть курсы для обучения специалистов средней квалификации.

Решение об открытии в Петропавловске медицинского училища (фельдшерско-акушерской школы) облисполком принял в 1936 г. С 1 июля 1936 г. его директором по совместительству стал врач Лемушин. Занятия в училище начались 17 ноября 1936 г. Сюда приняли 32 чел., в том числе 10 чел. коренных жителей (коряков, чукчей, алеутов, эскимосов). Обучению кадров из числа местного населения придавалось особое значение. Оно имело своей целью не только улучшение обслуживания коренного населения, но также играло большую роль в борьбе с шаманством и знахарством. К концу учебного года в училище остался 21 чел., в том числе из коренного населения — семеро [26, с. 61].

Камчатскому облздравотделу предусматривалось выделение в 1949 г. из местного бюджета 250 тыс. руб. на открытие одногодичного подготовительного отделения при фельдшерской школе на 30 чел. для обучения средних медицинских работников из числа коренного населения [26, с. 62].

Почти все преподаватели специальных дисциплин являлись совместителями. В числе первых преподавателей училища были Г. Е. Зобнин — заведующий горздравотделом, дермато-венеролог М. М. Макаров, в дальнейшем заслуженный врач РСФСР, первый Почетный гражданин Петропавловска-Камчатского, заслуженный врач РСФСР А. Н. Верцинская. 1 мая 1937 г. А. Н. Верцинскую назначили завучем, а потом директором училища (на этом посту она трудилась до осени 1973 г.). Первый выпуск фельдшеров состоялся в 1939 г. Число учащихся росло с каждым годом.

В конце мая 1929 г. Совет Народных Комиссаров (СНК) РСФСР принял решение о создании в Хабаровске медицинского института. 7 декабря 1929 г. Президиум Дальневосточного крайисполкома принял развернутое постановление «О строительстве высших учебных заведений в Хабаровске», также предусматривавшее открытие с нового учебного года медицинского института. Уже к 1 сентября 1930 г. на четырехгодичное обучение были приняты первые 100 студентов. Обучение проходило в сложных условиях: недоставало учебных помещений и мест в общежитии, отсутствовала клиническая база, было очень мало учебных пособий и литературы, что затрудняло проведение активных методов преподавания. Но в 1935 г. Хабаровский край получил 69 своих первых врачей — выпускников Хабаровского медицинского института.

В 1949 г. в соответствии с приказом министра здравоохранения от 30 декабря 1948 г. при Хабаровском мединституте открыто трехгодичное подгото-

вительное отделение на 25 чел. с семилетним образованием. В дальнейшем, принимая во внимание большую потребность в подготовке врачебных кадров из коренных народностей Севера, Министерству здравоохранения РСФСР предоставлялось право увеличить контингент подготовительного отделения на 50 чел. Первые представители народностей Крайнего Севера, принятые на подготовительное отделение, получили диплом врача только в 1958 г. Их было 11 чел., в том числе двое чукчей [23, с. 260].

Число выпускников учебных заведений по-прежнему не удовлетворяло спрос на медицинских работников на Дальнем Востоке. В целях улучшения использования кадров молодых специалистов ЦИК и СНК СССР в 1933 г. постановили, что все молодые специалисты, окончившие вузы и техникумы, обязаны, как обучавшиеся за счет государства, проработать в определенных пунктах по указанию Наркомздрава. Самовольное трудоустройство молодых специалистов, их неприбытие к месту работы согласно направлению рассматривались как нарушение закона, виновные привлекались к судебной ответственности.

Большинство направляемых на Камчатку работников приезжало на короткий срок. Прожив здесь полгода, они уже собирались уезжать и не проявляли заинтересованности в работе. Временный персонал не способствовал налаживанию медицинской помощи населению, особенно в национальных округах. На результативность труда врача, фельдшера можно было рассчитывать лишь после того, как работник знакомился с особенностями быта коренного населения. Но только он начинал осваиваться, как заканчивался срок его командировки. Очень много специалистов уезжало с Камчатки. Движение медперсонала в 1944 г. характеризуют данные табл. 9.

Таблица 9

	Врачи	Средний медперсонал	Младший медперсонал
Поступило	6	24	40
Выбыло	2	9	35

Примечание. Таблица составлена по материалам ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 258, л. 1—1 об., 2.

Разница между прибывшим и выбывшим медицинским персоналом городской больницы за один год — 1944 — составляла более чем 65 %. Такая же картина наблюдалась в целом по Хабаровскому краю. Так, в 1938 г. в край сроком на один год прибыли 364, выбыли же 198 врачей. За 1939 г. прибыли 223, а за три квартала года выбыли 167 чел. Среднего медперсонала приехало 1 200, а уехало около 800 чел. [27].

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого в статье периода проблема закрепления медицинских кадров на Камчатке оставалась одной из самых острых.

УСЛОВИЯ РАБОТЫ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ НА КАМЧАТКЕ

Для того, чтобы удержать врачебные кадры на Камчатке, необходимы удовлетворительные условия труда, достаточное материально-бытовое обеспечение, а также помощь со стороны властей в организации работы медицинских учреждений.

Необходимых условий для эффективной работы медицинского персонала на Камчатке практически не было. Не хватало медикаментов, перевязочных материалов, оборудования и инструментария. В медицинских учреждениях отсутствовал транспорт. При чрезвычайно больших расстояниях и разбросанности медицинских учреждений без него было невозможно оказать скорую помощь.

Имеющиеся учреждения зачастую размещались в тесных, малопригодных зданиях, не позволявших организовать оказание не только специализированной, но и первой медицинской помощи. Неустроенность в организации работы персонала сохранялась из года в год. Так, зубной врач Н. К. Тарасова в своем отчете о работе в КНО за 1932 г. писала: «Амбулатория помещалась в одной комнате с зубным кабинетом. Зубной кабинет имеет длину 3 метра и ширину 4 метра. Амбулатория от кабинета отделялась белой бязевой занавеской... затруднительно было работать, особенно первое время, когда протекли потолки, так как крыша не была покрыта. Дождь заливал инструменты и материалы. Зимой систематически не было дров. Через одинарные рамы пробивался снег. Когда переставали топить амбулаторию, все лекарства замерзали, отчего страдала работа» [28].

Отсутствие рабочего помещения, должного его оснащения сводило практически к нулю желание медицинского персонала работать, стремление совершенствоваться. Подтверждает сказанное заявление санитарного врача Петровой (1937 г.): «...несмотря на мои протесты, часть площади санлаборатории отдана под кабинет глазного врача, для лаборатории оставлена площадь в четыре квадратных метра. Этим фактом, по сути, лаборатория ликвидирована, так как работать на площади с различными кислотами, где повернуться негде — невозможно» [21].

Имелись на Камчатке и медицинские пункты, площадь которых даже не позволяла осмотреть больного в лежачем положении. Условия работы медперсонала при рыбокомбинатах также не всегда были удовлетворительными. Зачастую врачи и фельдшеры обеспечивали жизнедеятельность пункта медпомощи.

Нелегко приходилось разъездным врачам в районах. Врач Н. К. Тарасова отмечает, что «сплошь и рядом, приезжая в какой-нибудь район, ходишь целый день, пока найдешь кров для себя, а также для кабинета. Я думаю, что

тому, кто поедет после меня работать, необходимо обеспечить хотя бы самый минимум — отдельное помещение и отопление» [28].

Ввиду роста потребности населения в медицинской помощи и невозможности ее оказания достаточным числом работников, интенсивность работы врачебного и среднего медперсонала была высокой. Кроме того, врач часто совмещал несколько должностей и специальностей. Вот в каких условиях действовала Лазовская больница Мильковского района. Здесь был один врач, являвшийся администратором и лечащим врачом. Он вел амбулаторный прием, обслуживал стационар, ходил на вызовы, в том числе в выходные и праздничные дни, выполнял участковую работу (еженедельные выезды в фельдшерские пункты, проведение ежемесячных занятий по повышению квалификации фельдшеров и др.), занимался профилактикой. При такой нагрузке на одного человека работа по оздоровлению населения не могла быть признана нормальной [29].

Учитывая перегрузку врачей, отделы здравоохранения нередко были вынуждены содержать средних медицинских работников за счет свободных врачебных единиц, чтобы освободить врачей от части административной и лечебной работы.

Все это свидетельствовало о необходимости содействия и помощи со стороны органов власти в организации работы медицинских учреждений. Партийные и советские органы власти здравоохранению Камчатки, несмотря на все данные гарантии и обещания, уделяли недостаточное внимание. На заседаниях бюро парторганов и исполкомов вопросы здравоохранения рассматривались очень редко. Практическая помощь в работе лечебных учреждений города и села оказывалась слабо.

Окончившая мединститут врач Душечкина была направлена на работу в больницу села Эссо. Она сообщает: «Я хочу работать честно и добросовестно, но этому мешает бездушное и бестактное отношение со стороны районных организаций. Мне плохо помогают в хозяйственной работе, к больнице дров не подвозят, хотя они у нас заготовленные. Отвечают — нет лошадей. Сегодня приема вести не буду, это связано с тем, что сама сижу без дров и без горячей пищи, в комнате сижу и замерзаю». Вот как она заканчивает письмо: «Если вопросы не будут идти на улучшение и дальше, то прошу меня отозвать в область, так как при таких условиях работать невозможно, а районные организации доведут меня до крайности».

Указанный пример отношения к врачебным кадрам со стороны исполкомов местных советов, отделов здравоохранения и хозяйственных организаций являлся не единственным. Заведующая Чукотским окрздравом Козлова имела судимость за «нечуткое отношение» к медицинским работникам.

Каждый медицинский пункт представлял собой отдельное государство со своими особенностями, правилами организации работы. Молодые спе-

циалисты — врачи, фельдшеры, — со школьной скамьи назначенные на тот или иной самостоятельный врачебный участок, были предоставлены сами себе, находились без всякой практической помощи со стороны местных органов власти. Хорошая работа медицинского пункта зависела исключительно от сознательности медика. «Все работники молчат, не жалуются на свои трудности, не просят помощи, так как убедились в бесполезности своих просьб» [27]. Безучастное отношение властей к нуждам людей заставляло их покидать Камчатку.

Необходимо отметить, что первые заведующие отделами здравоохранения в большинстве своем не являлись специалистами в области медицины, не имели достаточного опыта в организации управления. Так, в 1932 г. должность завокрыдравом КНО занимал учитель, а в 1934 г. — студент-медик третьего курса.

Штаты облздрава, горздрава, райздравов были недостаточными, зачастую привлекались к работе в различных кампаниях, что приводило к неудовлетворительной постановке руководства делом здравоохранения.

Сложно налаживалась совместная работа райздравов с облздравом. Нередко облздрав не отвечал на просьбы районов, в том числе по вопросам помощи в организации труда медроботников. Руководство здравоохранением области сводилось к посылке районам писем и телеграфных директив.

Несмотря на несогласованность действий, областные и районные органы управления здравоохранением признавали, что главной причиной текучести медицинских кадров и, как следствие, их огромного недостатка, является отсутствие жилья и невысокая заработная плата.

На заседании областного Совета 26 марта 1918 г. был заслушан доклад врачебного инспектора П. П. Рубецкого, который заявил о существующей проблеме оплаты труда: «В настоящее время имеются должности 5 врачей и... 17 должностей низшего медицинского персонала... незначительный штат на территории около 2 000 000 кв. верст остается от года в год почти целиком не замещенным, так как низкая оплата труда при сурово-естественной обстановке не обеспечивает полного удовлетворения запросов и потребностей лиц медицинского персонала... И поныне оплачивается окладами, установленными десять лет тому назад. Ничтожность содержания всех лиц медицинского персонала, особенно по данному времени, очевидна для всех...» [30].

Камчатский областной комитет в марте того же года отреагировал на доклад П. П. Рубецкого и постановил: удержать наличный состав медицинского персонала и заполнить пустующие рабочие места на фельдшерских пунктах, определив справедливую и соответствующую оплату труда. Вновь прибывающим работникам выдавали подъемные деньги.

Тяжелое экономическое положение, в котором находилась Камчатка в начале 1920-х гг., отразилось и на здравоохранении. Массовой стала несвоевре-

менная выплата и уменьшение зарплаты медицинскому персоналу. Иногда вознаграждение сельским фельдшерам предоставлялось продуктами питания. Это приводило к уходу наиболее квалифицированной части персонала и способствовало возрождению частной врачебной практики.

При существующих на Камчатке высоких ценах на потребительские товары, ставки зарплаты медицинского персонала продолжали оставаться низкими. Так, старший врач больницы в 1925 г. получал по четырнадцатому разряду 148, заведующий фельдшерским пунктом по двенадцатому разряду — 119 и только четверо заведующих фельдшерскими пунктами самых северных уездов — по 149 руб. Низший персонал — санитары, трудившиеся по пятому разряду, — получали 53 руб. 38 коп. [31].

На необходимость улучшать материально-бытовое положение медиков указывало и население области в своих наказах горсовету.

Ряд постановлений центральных органов власти был направлен на улучшение жизни медицинского персонала.

Учитывая крайнюю недостаточность обеспечения сельского населения квалифицированной медпомощью, СНК РСФСР 2 декабря 1925 г. принял постановление «Об обеспечении сельских местностей медицинской помощью и об улучшении материально-бытового положения участкового медицинского персонала». Постановлением местные исполнительные комитеты обязывались выделить медицинскому персоналу бесплатные квартиры с отоплением и освещением, транспортные средства для разъездов по участку, обеспечить приглашенных подъемными, проездными и суточными средствами. Постановление устанавливало для сельских врачей три периодические прибавки жалования (в размере 20 % основного оклада) за каждые три года участковой работы [32, с. 25].

Постановление СНК РСФСР от 8 февраля 1927 г. «О мероприятиях по обеспечению врачебным персоналом медико-санитарных учреждений на местах и по привлечению на службу безработных врачей» предложило исполнительным комитетам принять меры «к возможно скорейшему осуществлению всех распоряжений центральных органов власти об улучшении материального, бытового, правового положения и условий труда медицинских работников». Постановление признавало необходимым повысить оплату труда врачей. Произвести повышение поручалось исполнительным комитетам в тех местностях, где установленные СНК РСФСР минимальные ставки заработной платы для врачей оказывались недостаточными для привлечения квалифицированных специалистов [32, с. 51].

В целях привлечения медицинского персонала на Камчатку окрздрав (заведующий Н. Топольский) в 1928 г. предоставлял работникам максимальную часть льгот, предусмотренных правительством для отдаленных местностей. За первые три месяца работы на полуострове врачи получали дополни-

тельное льготное жалование в размере 296 руб. 14 коп., а фельдшеры и акушеры — по 170 руб. [33].

Оплата труда медиков края на 1931 г. была установлена одинаковой для всех, лучшие работники материально не поощрялись. Однако уже на совещании медиков края, прошедшем в том же 1931 г., было решено при проектировании ставок учитывать качество работы каждого работника, его активность, стаж, длительность работы в крае.

В пятилетнем плане по развитию здравоохранения в Дальневосточном крае (1927—1933 гг.) предусматривалось проведение в жизнь в полной мере декретированных льгот для медицинского персонала сельской местности, а именно: обеспечение транспортом, предоставление коммунальных услуг и других. Для привлечения квалифицированного медицинского персонала и удержания его на службе, особенно в сельской местности, в плане было намечено повышение зарплат. Врачам в городах она увеличилась со 150 до 220, а в селе — со 135 до 250 руб.; зарплата среднего персонала возросла с 60 до 90 руб. [34].

До 1 марта 1935 г. медицинские работники получали периодические надбавки к заработной плате за продолжительность работы в крае. 4 марта 1935 г. в целях улучшения их материального обеспечения и большего поощрения наиболее квалифицированных, СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении заработной платы медицинским работникам и об увеличении ассигнований на здравоохранение». Постановление на 20 % повышало ставки для Дальнего Востока [32, с. 154]. Но зарплата, установленная в соответствии с этим постановлением, оказалась почти на уровне зарплат в центральных районах страны, в то время как прожиточный минимум на Дальнем Востоке был гораздо выше. Этот факт повлек отток кадров за пределы края и в другие отрасли народного хозяйства. Чтобы удержать врачебный персонал на Камчатке, облздрав повысил ставки медицинских работников.

Ставки имели разную величину — 720, 540, 850, 600 руб. Они определялись без учета стажа работы, продолжительности работы на Камчатке и т. д. В основе установления ставки лежал договор между работником и работодателем. Несмотря на большие суммы, реальная зарплата оставалась невысокой, так как продукты питания на рынке были дорогими: килограмм мяса и десяток яиц стоили по 30 руб. [21].

15 ноября 1937 г. появилось постановление Президиума Дальневосточного Крайисполкома «О состоянии медицинских кадров», которое обязало облисполкомы принять немедленные меры к обеспечению нормальных жилищно-бытовых условий для медиков. Их предлагалось направлять на работу в области лишь под гарантии облисполкомов и горсоветов о предоставлении жилой площади.

Но на деле постановления, планы, обещания местных властей, особенно в обеспечении медработников жилплощадью, не всегда реализовывались и могли реализоваться вследствие недостаточного количества имеющихся в наличии жилых помещений, сложности организации и дороговизне строительства, непонимания властями важности решения жилищной проблемы. Большинство врачей, особенно вновь прибывших, продолжали жить в плохих условиях. Так, «врач Васина живет четыре месяца в поликлинике, спит в кабинете, где проводится прием больных» [21].

Прибывшие в Петропавловск по вербовке в 1934 г. трое врачей «попали в условия полного игнорирования всех тех обещаний, которые им были даны при приглашении». Врачей «временно» поместили в одной небольшой комнате вместе с семейным завхозом больницы. Заведующий городской больницей Зябкин неоднократно поднимал вопрос перед райисполкомом о необходимости переселить людей из помещения больницы, но никаких результатов не добился. Обещанное при приглашении специалистов хорошее продовольствие, промтоварное снабжение свелось в камчатских условиях к выдаче «полуголодного» пайка. Прикрепление врачей к лучшей столовой не состоялось [35].

Бывало, что квартиры, выделяемые для медработников, передавались людям, не работавшим в сфере здравоохранения, в результате чего наблюдались случаи отъезда медиков с Камчатки.

Не лучше обстояло дело с обеспечением жилплощадью и в национальных округах. В ЧНО в 1940 г. не было дома для медперсонала. Он размещался при больницах, уменьшая коечный фонд, ограничивая возможности оказания стационарной помощи. В большинстве случаев врачи и фельдшеры Камчатки имели плохие, холодные квартиры.

В плане капитального вложения на 1938 г. краевые власти наметили строительство специальных жилых домов для врачей и работников средней квалификации. В 1940 г. в титульный список был включен ввод в эксплуатацию по краю шестнадцати восьмиквартирных домов для медработников, что имело, безусловно, огромное значение, но далеко не разрешало жилищного вопроса. Многое зависело от внимания к этому вопросу со стороны местных властей [30].

Местные органы власти постепенно начинали проявлять участие в обеспечении медицинских работников оптимальными материально-бытовыми условиями. В 1941 г. Камчатский облисполком постановил начать строительство дома для врачей. Не раз на своих заседаниях он принимал решения об улучшении их материально-бытового обслуживания. Облисполком обязывал окружные, районные исполкомы и Петропавловский горисполком рассматривать на своих заседаниях вопросы обеспечения жилплощадью медработников за счет фондов местных советов и хозяйственных орга-

низаций, утверждать планы капитального ремонта жилого фонда, занимаемого медработниками, обеспечивать их топливом, распространить на врачей дополнительное снабжение продуктами питания и принимать другие меры.

Несмотря на стремление власти преодолеть трудности материально-бытового характера, с которыми сталкивались работники здравоохранения, многие из них оставались неразрешенными.

Проблема обеспечения учреждений здравоохранения медицинскими кадрами и их закрепление оставалась для Камчатки актуальной на протяжении всего рассматриваемого периода. Учреждения укомплектовывались, в основном, за счет приезжих молодых специалистов. Меры, предпринятые властями разного уровня, направленные на закрепление медперсонала, оказались недостаточными. Медицинские работники уезжали, оставляя сеть медицинских учреждений хронически неуплотненной.

ИСТОЧНИКИ

1. *Шутак Б. Н.* Из истории здравоохранения в Камчатской области // Советское здравоохранение. — 1962. — № 5. — С. 71—73.
2. *Дьяченко Д. П.* Первый комиссар народного здоровья Камчатки // Советское здравоохранение. — 1965. — № 4. — С. 43—48.
3. РГИА ДВ, ф. р-2422, оп. 1, д. 234, л. 3.
4. ГАРФ, ф. 130, оп. 5, д. 894, л. 52.
5. ГАКО, ф. 30, оп. 1, д. 4, л. 50—51.
6. ГАХК, ф. 719, оп. 6, д. 56, л. 65.
7. Там же, ф. р-683, оп. 1, д. 116, л. 19—20.
8. Там же, д. 160, л. 2.
9. Там же, д. 217, л. 280.
10. Там же, оп. 2, д. 105, л. 46.
11. ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 1, л. 14.
12. ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 247, л. 3.
13. ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 75, л. 10.
14. ГАХК, ф. р-683, оп. 2, д. 365, л. 36—137.
15. ГАХК, ф. 939, оп. 1, д. 176, л. 13—13 об.
16. Там же, ф. 719, оп. 6, д. 1, л. 47.
17. Там же, ф. п-35, оп. 22, д. 222, л. 4.
18. Там же, ф. р-683, оп. 2, д. 380, л. 5.
19. Там же, ф. п-35, оп. 1, д. 941, л. 8.
20. Там же, ф. р-683, оп. 2, д. 258, л. 1 об.
21. Там же, оп. 1, д. 207, л. 31.
22. *Степченко Г. П.* Основные этапы и итоги развития здравоохранения // Свет в тундре. — Петропавловск-Камчатский, 1970.
23. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. — М., 1989.

24. ГАХК, ф. р.-683, оп. 1, д. 33, л. 24.
25. ГАХК, ф. п-35, оп. 25, д. 446, л. 35.
26. *Дьяченко Д. П.* Вклад средних медицинских работников в развитие и оказание медицинской помощи населению Камчатки 1920—1980-е гг. // Советское здравоохранение. — 1987. — № 8. — С. 59—83.
27. ГАХК, ф. п-35, оп. 1, д. 721, л. 67—68.
28. ГАХК, ф. р-683, оп. 1, д. 136, л. 48.
29. ГАКО, ф. 419, оп. 1, д. 67, л. 1.
30. ГАКО, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 58.
31. РГИА ДВ, ф. р-2422, оп. 1, д. 570, л. 96.
32. Здравоохранение в годы восстановления и социалистической реконструкции народного хозяйства СССР 1925—1940 гг. Сборник документов и материалов. — М., 1973.
33. ГАХК, ф. р-683, оп. 1, д. 33, л. 17 об.
34. Там же, д. 20, л. 65.
35. Там же, д. 145, л. 35.
36. Петропавловск-Камчатский. История города в документах и воспоминаниях. 1740—1990. — Петропавловск-Камчатский, 1994.
37. *Васильев В. П.* Почетный гражданин Петропавловска-Камчатского М. М. Макаров // Краеведческие записки. — 1978. — С. 99—109.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Андрей Савельевич Лукашевский родился 15 августа 1881 г. в Красном, предместье г. Луцка, в Житомиро-Вольнской губернии. В 1899 г. окончил Житомирское фельдшерское училище. Получив диплом фельдшера, А. С. Лукашевский долго не мог найти работы по специальности. В 1902 г. он был призван на военную службу и два года работал фельдшером в госпиталях. В 1904 г. за упрямство, выразившееся в «в ношении длинных волос и перешивании в аккуратную форму казенного мундира», был направлен в Маньчжурию [2, с. 44]. После увольнения в запас в 1906 г. остался в Хабаровске, где познакомился с П. С. Маловечкиным, который в последующем был организатором камчатской партийной организации. Узнав, что на Камчатку требуются фельдшеры, весной 1918 г. А. С. Лукашевский прибывает в Петропавловск и получает место фельдшера в городской больнице. В 1919 г. работает фельдшером в Усть-Камчатске. 10 января 1920 г. А. С. Лукашевского избрали секретарем Усть-Камчатского волостного комитета. В апреле 1920 г. его избирают на Первом Петропавловском уездном съезде Советов комиссаром народного здоровья и ветеринарии.

В октябре 1921 г. вместе с членами облнарревкома А. С. Лукашевский уходит в лес для организации партизанской борьбы. В партизанском отряде он был рядовым бойцом и лекарем.

В июне 1922 г. А. С. Лукашевского вновь направляют в Усть-Камчатск для закупки продовольствия и боеприпасов. Чтобы собрать деньги, он организовал первый на Камчатке субботник. В феврале 1923 г. из-за плохого состояния здоровья он оставляет должность. После длительной болезни в ноябре 1923 г. назначается заведующим отделом труда Камчатского губревкома.

В апреле 1925 г. А. С. Лукашевский был направлен в Карагинский район, где заведовал Дранкинским фельдшерским пунктом. С 1932 г. и до конца своих дней он работал заведующим Карагинским райздравотделом и вел амбулаторный прием.

А. С. Лукашевский внес значительный вклад в развитие и становление здравоохранения Камчатки. В его честь названа областная больница.

Михаил Матвеевич Макаров родился 12 февраля 1896 г. С четырнадцати лет работал учеником в столярной мастерской. С февраля 1918 г. М. М. Макаров в течение десяти лет служил в Красной Армии, сражался на Западном фронте. Свой путь в медицину он начал фельдшером — во время войны его направили в фельдшерскую школу. В 1930 г. окончил медицинский техникум, а в 1935 г. — Первый московский медицинский институт. Когда сдал выпускные экзамены, решил, что обязательно поедет на Север.

В малоллюдный Петропавловск-Камчатский он прибыл в самом начале 1936 г. М. М. Макарова назначают заведующим городской больницей. В институте он специализировался на кожных и венерических заболеваниях. Но на Камчатке не хватало врачей, и ему приходилось работать и урологом, и гинекологом, и хирургом. Разносторонние и глубокие знания, прирожденный дар врача и развитая интуиция помогали ему с успехом ставить диагнозы и лечить разные болезни. Жители города в течение многих лет избирали его в городской и областной Советы депутатов трудящихся.

Более тридцати лет отдал М. М. Макаров любимому делу, работая в учреждениях здравоохранения города и области. Все эти годы он с присущей ему страстью, любовью к делу, инициативной настойчивостью вносил большой вклад в развитие здравоохранения Камчатки. М. М. Макаров долгое время преподавал в Петропавловск-Камчатском медицинском училище — бывшей фельдшерско-акушерской школе. Среди многочисленных наград, которыми отмечен его труд, есть грамота, заполненная 28 июня 1940 г. Она удостоверяет, что ему, преподавателю фельдшерско-акушерской школы, присвоено звание ударника в подготовке медицинских кадров.

Михаил Матвеевич Макаров удостоен звания «Заслуженный врач РСФСР». 24 февраля 1966 г. решением Петропавловского горисполкома семидесятилетнему врачу-дерматологу Михаилу Матвеевичу Макарову было присвоено звание «Почетный гражданин города Петропавловска-Камчатского».

Анна Николаевна Верцинская родилась в 1908 г. в Саратовской области. В 1925 г. поступила в Саратовский медицинский техникум и через три года успешно окончила его. После обучения два года работала акушеркой. В 1935 г. с отличием окончила Саратовский медицинский институт и по личной просьбе была направлена Наркомздравом на Камчатку.

Первое время работала врачом-педиатром в яслях, а с 1937 г. — директором фельдшерской школы — первого медицинского учебного заведения Камчатской области. Многие годы совмещала работу директора медицинского училища и работу практического врача-педиатра. Возглавляемое А. Н. Верцинской медицинское училище превратилось в настоящую кузницу кадров средних медицинских работников.

А. Н. Верцинская все годы активно участвовала в общественной жизни города, неоднократно избиралась депутатом городского Совета депутатов трудящихся. За свой плодотворный труд она награждена орденом «Знак Почета», медалью «За доблестный труд». Ей присвоено звание «Заслуженный врач РСФСР».

АВТОПОРТРЕТ ВРЕМЕНИ

В рубрике «Автопортрет времени» мы предполагаем воспроизводить ранее не публиковавшиеся архивные материалы, отражающие жизнь северо-восточной окраины России в различные годы. Ниже приведены фрагменты документа, подготовленного председателем Чукотского районного революционного комитета П. П. Ивановым, работавшим в этом самом отдаленном районе страны в 1925—1926 гг. Автор, помимо выполнения служебных обязанностей, активно занимался изучением «туземного вопроса». Он желал подготовить для своих преемников и высших инстанций, «коим придется работать на далеком Севере и вести дальнейшее, более углубленное и расширенное изучение богатого края», материалы, на которые они могли бы опираться при принятии решений, «дабы те начинания и проекты, кои намечаются в центре, могли осуществляться с учетом всех местных специфических условий». Эти материалы были зачитаны на заседаниях Камчатского краеведческого общества в октябре и ноябре 1926 г. При подготовке к публикации проведена их стилистическая правка, повышающая удобство чтения.

П. П. ИВАНОВ

«ЛИШЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРАКТИЧЕСКАЯ РАБОТА ДАСТ ВОЗМОЖНОСТЬ... ДВИНУТЬ ЭТОТ БОГАТЕЙШИЙ КРАЙ ПО ПУТИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО РЕВОЛЮЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА»

(Информационный материал о Чукотке, 1926 г.)

ТЕРРИТОРИЯ, КЛИМАТ И НАСЕЛЕНИЕ РАЙОНА

Территория собственно Чукотского района, не считая островов, равняется (в круглой цифре) 400 000 кв. верст. На этой огромной территории... живет около 6 000 человек туземцев: чукчей и эскимосов...

Из 6 000 человек туземцев, населяющих район Чукотки, кочующих насчитывается приблизительно 2 000 человек (точный учет не производился). Береговых же чукчей и эскимосов по подсчету в зиму 1925 года 3 847 человек, из них чукчей — 2 708, эскимосов — 1 139.

Общее количество лагерей (селений) береговых туземцев равняется 82, обследовано 78, 4 — не учтено... В 78 лагерях имеется 693 яранг (юрт). Эти лагеря расположены следующим образом: 45 на побережье Ледовитого океана и 33 — на берегу Берингова пролива и моря. В 33 поселках южной части живут и промышляют оседлых туземцев 2 124 чел., в 45 селениях, распо-

женных на берегу Ледовитого океана, живет 1 723 человека. Таким образом, видим, что южная часть района более населена, нежели северная, оседлыми туземцами, тогда как кочевники, главным образом, расположены на северо-западе. Из выше приведенных цифр видно, что население Чукотского района редко — в среднем... на одного туземца приходится $66\frac{2}{3}$ кв. версты территории.

Русское население вкраплено единицами. Всего русских в 1925—26 году, включая администрацию и служащих факторий Д.Г.Т. (Дальгосторга. — *Ред.*), 40 человек... Население Чукотского района в 1925—26 году равнялось (всех возрастов и обоего пола)... всего 5 895 человек.

Все население Чукотского района можно рассматривать как три группы: 1) туземцы промышленники, охотники или оленеводы; 2) русские служащие и охотники за пушным зверем; 3) все другие национальности за единичными исключениями представлены частниками-спекулянтами...

МАТЕРИАЛЬНЫЙ БЫТ ТУЗЕМЦЕВ

Условия далекого Севера с девятимесячной полярной зимой со своим специфическим охотничье-промысловым хозяйством создают особый материальный быт туземцев.

Начиная с жилища и кончая пищей, быт туземцев резко отличается от быта окружающих нас людей, которых мы встречали в нашей повседневной материальной действительности. В вековой борьбе с природой туземцы Чукотского района немного отвоювали у природы самостоятельно, в этой борьбе им, главным образом, помог американский торговый капитал и немного русский. Но эта помощь не коснулась и не изменила основного содержания материального быта, то есть жилища, одежды, пищи, а если коснулась, то незначительно, остальное осталось и живет в среде туземцев.

Разницы в материальном быту между оседлыми чукчами и эскимосами нет никакой, поэтому я при разборе этого вопроса буду называть эти две национальности одним термином «береговые туземцы».

Жилище берегового туземца представляет из себя круглый шатер, фундаментом и стенами которого служит дерн или глыбы камня, наложенные плотно вокруг деревянного скелета. Величина шатра (местное название яранга) зависит от степени благосостояния хозяина, в среднем яранга бывает в диаметре 15 шагов (бывает больше и меньше).

Крышей служат моржовые шкуры, натянутые на согнутые в виде купола деревянные брусья. В задней части против входа в ярангу устраивается так называемый полог, то есть теплое помещение в виде большого ящика длиною в среднем 7—8 аршин, шириною 3—4 аршина и высотой 2—3 аршина. Стенами полога служат сшитые олени шкуры, зимой мехом наружу, а ле-

том внутрь, натянутые на скелет из тонких деревянных брусьев. Одна сторона полога, а именно та, что обращена к наружному входу, опускается в виде шторы, прикрепленная только сверху и с боков. Все три остальные стороны заделываются наглухо. В полог можно попасть только на четвереньках под неподшитую сторону.

Зимой более зажиточные чукчи покрывают ярангу, кроме моржовых шкур, брезентом. Для укрепления крыши от сильных ветров через всю ярангу крест накрест перебрасываются толстые ремни из моржовой кожи с камнями на концах, от 30 до 60 фунтов каждый, смотря по величине яранги. Таким образом, камни, привязанные на концах ремней, нажимают сеткой на крышу и не дают сорвать покров ветру.

Двери в переднюю часть яранги закрываются на ночь. Полог же не проветривается зимой до наступления лета, то есть в течение восьми-девяти месяцев. Внутри полога пол покрывается вереском и дерном, поверх стелют выделанные моржовые шкуры. В передней, холодной, части яранги посредине устраивается очаг, разводится огонь, если есть дрова, если нет, то для освещения горит плочка с нерпичьим жиром (ээк). В этой части складывается сбура, различный хозяйственный инвентарь, и ночью ночуют собаки. Эта же часть служит помещением для различных грубых домашних работ, починки инвентаря, который нельзя затащить в полог во время пурги.

В полог помещаются люди и очень часто молодые щенята (зимой), служа игрушками для малышей. Количество людей на полог различно: от трех до двенадцати человек. Но даже вне зависимости от количества людей, атмосфера в пологу ужасная. В зимние долгие ночи, когда у туземца есть жир для отопления, температура в пологу доходит до 20—25° по Реомюру (25—31,3 °С. — *Ред.*). Смешиваясь с запахом прелых кож и шкур, мокрой меховой одежды, испарением тел, запахом мочи и испражнений, никогда не проветриваемый полог представляет какую-то вонючую яму, в которой копошатся нагие люди, ища паразитов или отправляя свои естественные потребности.

Туземцы подолгу ходят совершенно голые, мужчины оставляют только тонкие полковые штаны, а женщины и девушки — кусочек тонкой грязной тряпки на бедрах. Дети же остаются совершенно голые. Спят все вповалку, подстилая оленьи шкуры головой к выходу. Отопляется полог двумя, тремя, редко четырьмя ээками, в зависимости от величины полога и запасов нерпичьего жира.

Ээк представляет из себя деревянную плоскую чашку, на одном краю которой лежит в растопленном жире толченный мох вместо фитиля. На этом они кипятят чай, варят мясо и умудряются (кто умеет) печь хлеб. В пологу хранятся все вещи домашнего обихода и кухни, чашки, блюда, деревянные блюда для мяса, верхняя одежда. Посуда туземцами не моется (за исключением немногих, затронутых цивилизацией), а облизуется собаками или

моется собственной мочой, как под краном. Сами туземцы моют лицо мочой, умывают также и детишек.

Жилище туземца, несмотря на свою грязь и непрезентабельность, в условиях полярной зимы, свирепой пурги для усталого путника кажется раем. В духоте и вони, да зато не в обиде. Лучше душный полог, чем кочевка в пургу в палатке по тундре.

Одежда туземцев, как оседлых, так и кочевников, шьется из одинакового материала и одинакового (в основном) покроя. Зимняя одежда шьется из шкур молодых оленей (пыжиков) мехом вверх и мехом внутрь. Кухлянка: род рубахи, не доходящая до кожи, ворот которой обшивается волками, росомхой или собакой (богачи обшивают лисой и даже песцом). Штаны шьются из пыжика, одеваются по двое, одни мехом вверх, другие мехом внутрь. На ногах короткие плекоты, чуть повыше щиколотки, из оленьих камусов с лахтачей подошвой, плекоты одеваются на меховые ковки «чижи». Зимой на кухню одевают «камлею» — род рубахи с капюшоном из белой (для охоты) материи и полосатой или цветной, отделанной кумачом (выходная). Камлея одевается как предохранитель от снега, так как ветром в пургу снег набивается в мех кухни, потом тает и портит одежду (мех лезет).

Головной убор мужчины зимой представляет из себя плотно прилегающую к голове шапочку с ушами, завязывающимися под подбородком. Материалом на малахай служит различный зверь, смотря по состоянию туземца (кабус пыжика, выпороток нерпы, евражки, лапки лисы и т. д.).

Летняя мужская одежда состоит из одинарной кухни шерстью вверх, поверх которой в сырую погоду одевается камлея из нерпичьих кишок. Брюки шьются из нерпичьей шкуры шерстью вверх. Плечоты тоже из нерпичьих шкур.

Женская одежда, как летом, так и зимой, состоит из камбине с открытым воротом их пестрых пыжиков, поверх которого одевается камлея из цветной материи, преимущественно ярких цветов. На ногах все женщины, как взрослые, так и девочки, носят торбаза из оленьих камусов. Головным убором у женщин служит капюшон камбине и камлейки.

Маленьких детей одевают в сплошное камбине из пыжиков, снабженное клапаном сзади. Из этого платья ребенок вылезает только в пологу.

Предметы домашнего обихода и оседлых, и кочевников очень примитивны. В пологе на среднюю туземную семью приходится несколько чайных чашек, чайник медный или эмалированный, деревянные плоские блюда для мяса, ножи, иголки, топор и т. п., самые необходимые предметы обихода. У богатых туземцев можно встретить тарелки, вилки, граммофон и тому подобные вещи. Причем вся эта «роскошь» пускается в ход, когда приедет начальство или особо уважительный белый гость, перед кем стоит похвастаться. Сами же хозяева великолепно управляют при помощи зубов, рук и ножа.

Главную роль в жизни оседлых туземцев играет мясо моржа, нерпы, лахтака и кита. В годы голодовки в пищу идут собаки, шкуры с яранг, ремни и т. д. В широкое всеобщее употребление входит чай кирпичный и байховый. Хлеб и сахар считаются лакомством. Мясо едят вареным, в мороженом виде. Рыбу едят сырую, мороженую вместе с внутренностями. Соли совершенно не употребляют. В растительной пище употребляют северную кислицу и ягоду морошку, которая растет в районе в незначительном количестве.

Деликатесом считаются мясо китовых ластов, каша из толченой белой массы, облегающая корень китового уса. Эту массу варят, сушат, толкут, потом едят с жиром. Глаз кита считается священной пищей, которой должны вкусить все участники охоты и члены их семей. Лахтак, имеющий мясо хорошего вкуса, относится к пище первого сорта. Крабов едят целиком, выбрасывая только шелуху. Оленье мясо употребляется оседлыми туземцами в незначительном количестве и считается деликатесом. В особенности любят перепланный олений жир.

Что же касается жилища кочевника, то оно отличается от жилища оседлого туземца только тем, что покрывается оленьими шкурами, и яранга меньшего размера, так как постройка носит временный характер. Полог ставится также как и у оседлых, только меньшего размера.

Одежда кочевника точно такая же, как и у оседлого, только несколько лучше и богаче, так как кочевник — собственник оленьих мехов.

Пища оленевода здоровее, нежели оседлого туземца. В его распоряжении всегда находится свежее мясо оленя, оно употребляется в виде различных блюд в сыром, вареном, толченом, рубленном виде. Особенным деликатесом считается язык оленя, которым угощают начальство и дорогих гостей. Кочевники любят чай, курят и жуют табак точно так же, как и оседлые. Хлеб и сахар считаются редкостью. Рыбу едят сырую мороженую. Туземцы поголовно любят спиртные напитки. Таков в общих чертах материальный быт туземцев Чукотского района...

МЕДИКО-САНИТАРНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ТУЗЕМЦЕВ

Одним из самых больных вопросов в Чукотском районе надо считать положение туземного здравоохранения... Не надо быть специалистом, чтобы увидеть здесь удручающую картину положения туземцев. Сами условия быта туземцев... носят в себе зародыши и являются главным рассадником всевозможных болезней, начиная с чесотки и кончая сифилисом.

Главными болезнями, распространенными среди туземцев, являются: чесотка, экзема, желтуха, желудочно-кишечные, ревматизмы и сифилис. Такие болезни, как экзема и чесотка носят всеобщий характер. Желудочно-кишечные заболевания носят массовый характер по причине своеобразной

пищи туземцев (сырое, непровареное и тухлое мясо морских животных). Венерические болезни, как, например, сифилис, не имеют большого распространения, но они есть. А раз так, то и они могут завладеть туземцем.

В зависимости от качественного состояния пунктов врачебной помощи, качественного подбора лиц медицинского персонала развивалась и развивается медицина в районе. При старом правительстве сюда посылался один фельдшер из бывших «артиллерийских коновалов», сейчас мы имеем дело не лучше прежнего. До 1925 года здесь существовал фельдшерский пункт во главе с бывшим районным фельдшером. С 1925 года сюда прибыл так называемый классный фельдшер, который оказался сволочью высшей марки. Весной, забравши деньги РОККа, он умотал в Америку.

Таким образом процветала и процветает медицина в районе. Местная власть в лице Ревкома не может найти хорошего фельдшера (да и вообще за полярным кругом фельдшера не валяются), а Окрцентр посылал сюда всякую дрянь. На тебе Боже, чего нам не гоже, тогда как туземцы нуждаются в медицинской помощи. Кроме того, медицинский персонал должен овладеть большим тактом и подходом к суеверным туземцам, дабы не оттолкнуть их от врачебной помощи, иначе туземцы будут обходить наших врачей и будут продолжать лечиться у шаманов. Пробить же стену косности религиозных предрассудков и шаманизма очень трудно. Взрослый, нигде не бывавший, туземец боится каждого порошка и предпочитает умереть в душном пологу под грохот барабана и завывания шамана.

Смертность же туземцев велика. Для примера возьмем 1925—26 год, как более близкий. В этом году Чукотскому Ревкому удалось кое-как наладить работу ЗАГС на местах в виде черновых столов, через которые и получались сведения о смертности и рождаемости населения. Эти сведения охватывают только оседлое население, совершенно не касаясь кочевников, так как к ним попасть очень трудно.

Эти первые источники регистрации расположены в б. Провидения и Чаплино, Наукане, Уэлене, Ванкареме или Северном. Кроме того, для сбора этих сведений были использованы все разъезды местных работников. Все эти сведения говорят, что туземцев от различных болезней умерло 79 человек, причем 38 человек умерло от эпидемии неизвестной болезни. По словам туземцев, умерло больше (чукотский эскулап установил диагноз «желтая горячка»). Таким образом, по неточным сведениям, на одно оседлое население, которого зарегистрировано 3 847 человек, падает 800 человек умерших. Это очень большая цифра. И тем она грознее, что половина умерших от эпидемии, значит мы не застрахованы и от такого случая, когда эпидемия может унести сотни жертв, и от туземцев [останется] через пять-десять лет только одно воспоминание. Таким образом, мы видим, что туземцы находятся под вечной опасностью эпидемии и быстрого вымирания.

Здесь мало фельдшеров, хотя бы с классным образованием. Здесь нужен врач, больница, амбулатория, средства и средства для того, чтобы систематически бороться с вымиранием туземцев. Наличие сифилиса среди туземцев требует скорой организации хорошо оборудованного венерологического кабинета при больнице.

Кроме восстановления народного здоровья, вышеуказанные мероприятия помогли бы бороться местной власти с шаманизмом и в корне бы уничтожили такие язвы в быте туземцев, как убийство больного родственника по его просьбе. В эпидемии 1925—26 года таких случаев было два, на самом же деле их больше, но родственники убитого не говорят об этом, боясь преследования властей.

При хорошей показательной работе наших медицинских учреждений этот кошмарный обычай «последнего удара» отойдет в область туземных предрассудков. Но в настоящее время этот обычай имеет себе место и бороться с ним очень трудно. Да и как вы дикаря привлечете к суду, когда его поступок освящен столетними обычаями предков? Надо побывать здесь, чтобы увидеть и остро почувствовать всю необходимость осуществления практических мероприятий по спасению туземцев от вымирания...

КУЛЬТУРНО-ШКОЛЬНАЯ РАБОТА СРЕДИ ТУЗЕМЦЕВ. КАК ОНА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОСТАВЛЕНА

Культурная работа среди туземного населения и школьная работа должна быть поставлена на должную высоту без откладывания дела в долгий ящик.

Туземец Чукотки уже знаком частично с американской культурой. Его поездки на американские острова, служба [в] молодости на американских шхунах познакомили его с американской школой, дешевым театром и развлечениями. Эти единицы туземцев, как бывалые люди, являются главными американофилами, вокруг них группируется и остальная масса туземцев.

Учитывая сильную тягу туземцев ко всему американскому, нам необходимо подойти к разрешению постановки вопроса школьной и культурной работы очень осторожно. Надо помнить одно, что над каждой неудачной попыткой туземцы будут смеяться над нами, усиливая свое мнение о всемогуществе американцев. Из каждой неудачной попытки будут делать вывод, что мы вообще не в состоянии что-нибудь сделать практически. С каждой неудачной попыткой нам будет труднее и труднее привлечь туземцев к участию в работе. Кроме того, мы будем играть в руку темным силам туземного быта — шаманам.

Воспитанием туземцев, хотя бы и старым, бывшая власть не занималась. Все было сведено к постройке двух школ, которые начали функционировать с пято на десято, а потом, в период революции, совсем замерли. Таким обра-

зом, советской власти приходится строить школьную работу с азов. Работавшие в 1925—26 году три школы первой ступени, кроме того, что они находились в ужасных материальных и санитарных условиях, не отвечают духу и запросам туземцев.

Правда, что видит туземец-ребенок в школе первой ступени обычного типа? Его учат писать, читать, говорят о какой-то конституции, учат распевать песни о революции, о рабочем классе (о котором он не имеет абсолютно никакого представления) и тому подобных вещах, которые далеки от него также, как далек от понимания теории относительности средний состав наших крестьянских школ.

Читать, писать, учить песни, знать торжественные дни революции — все это надо, все это необходимо, но только не как самоцель, а как отдельные звенья в цепи общего расширения кругозора, иного созерцания и [подготовки] практического работника будущего. Ведь подошли же мы в конце концов к идее и претворению ее в жизнь довольно успешно, к организации школ крестьянской молодежи. Так и здесь, среди туземцев, нам необходимо организовать школы на опыте и базе промыслового хозяйства туземцев.

Школа должна быть в первую очередь интернатского типа. Дети туземцев, находясь в интернате в своем же товарищеском кругу, не выходя из поля зрения преподавателей, приучались бы и вырабатывали в себе навыки культурного человека, свободное время проводили бы в полезных развлечениях и усваивании себе принципов взаимопомощи.

Находясь в интернате, дети туземцев подвергались бы более тщательному изучению со стороны педагогов, которые должны лично примером показывать и разрешать трудные вопросы внутриинтернатной жизни. Поварившись пять-шесть лет в соку интерната и школы, туземец, выходя из школы, вносил бы живую струю в протухший быт своей семьи. Кроме того, нам рано или поздно, но придется столкнуться с вопросом выдвижения низовых работников из среды туземцев. Туземная школа должна в течение пяти-шести лет подготовить таких низовых работников, не отрывая их в будущем от их прямых обязанностей по ведению туземного хозяйства.

Чтобы школа не превратилась в закрытое учебное заведение, из которого выходили бы туземцы, обогнавшие своих соплеменников и не приставшие к белым, необходимо построить всю программу воспитания таким образом, чтобы по окончании школы молодой туземец приходил бы в семью как полный сил охотник, кустарь, знающий в основном законодательство Р.С.Ф.С.Р. и умеющий бегло говорить, читать и писать по-русски.

Эта туземная школа должна находиться частично на самообслуживании в добывании мяса, морских животных, уток и т. д. Поддержание чистоты в помещениях должно лежать обязательно на самих воспитанниках. При школе должен быть обязательно или ремесленный класс, или вообще школа долж-

на иметь уклон на кустарничество. Школа должна практически научить туземца тому, как правильно обращаться с инструментами, выпуская из своих стен развитых кустарей по каждой специальности, смотря по склонности воспитанника. В продолжение же шести лет, в сезонные каникулы, туземец-ученик ремесленно-интернатской школы будет понемногу незаметно для себя и окружающих вносить новую, свежую струю в туземную семью.

Наряду с этим, общеобразовательные науки должны вестись по всем тем программам, кои имеются сейчас в школах первой и второй ступени. Интернат школы должен быть тем горном, в котором будут коваться пионеры и комсомольцы. Первые ячейки могут быть только здесь, а отсюда после окончания школы туземцы понесут свои знания, свои способности и идеи комсомола в гущу туземного населения.

Ремесленная школа вышеописанного типа дает возможность охватить детей кочевников, которым необходим хороший кустарь, так же как и оседлым. В особенности интернатно-ремесленная школа сыграет большую роль в жизни туземной девушки-подростка. Живя в интернате, воспитываясь в общей товарищеской среде, где будет предоставлена возможность проявиться творческим силам, как мальчиков, так и девочек, туземцы-дети, подростки, а потом юноши постепенно утратят тот взгляд, что женщина создана только шить плетки, трясти полога и готовить кушанья, а мужчина охотиться или сторожить оленей. Интернат и ремесленный класс плюс общеобразовательные науки вырвут молодое поколение из рук косности и предрассудков отцов и матерей.

Спорт, физическая работа, здоровая пища, гигиенические жилищные условия дадут здоровое молодое поколение, которое и дома будет стремиться осуществлять их, помянуя их великолепное действие в стенах школы.

Меня спросят, почему я предлагаю здесь организовать школу с кустарническим уклоном, а не с иным? Очень просто. Туземное хозяйство, сейчас сбывающее сырье своего морского промысла, который с каждым годом падает, не обеспечивает себя, бьется в тисках растопыренных ножниц цен, существующих здесь... Кустарный помысел здесь имеет свое будущее, но его нужно систематизировать и дать туземцам возможность проявить свои творческие силы. Школа должна выпустить грамотных токарей по кости, плотников и слесарей. Кроме того, не вечно же мы будем видеть Чукотку как район, дающий сырье морского зверя и пушнину. Рано или поздно мы подойдем к вопросу эксплуатации этого края: платины, золота, графита, угля и т. д., и тогда нам придется столкнуться с вопросом завоза сюда малоквалифицированных рабочих, которые в условиях севера будут гибнуть, как мухи. Тогда как школы в течение десятилетия подготовят хоть и немного, но хороших тем, что они находятся в своих родных условиях, рабочих. Таким образом, надо реорганизовать школу среди туземцев, изгнав из нее громоздкий материал и прибавив физический труд, самообслуживание, спорт и интернат.

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Никакой работы культурно-просветительного характера среди взрослого населения здесь не велось и не ведется. За последний 1925—26 год эти попытки делались. При участии местной власти и школьных работников были организованы три ликпункта, которые охватили 50 человек взрослого населения, был поставлен один спектакль и производились революционные праздники «7 ноября» и «1 мая», но этого недостаточно. Это не работа, а попытки, правда, давшие хорошие результаты, но на этом останавливаться не надо и нельзя.

Благодаря специфическим условиям быта, религиозным обычаям, общему укладу хозяйственной жизни, здесь опыт работы в деревне и ее методы целиком пересаживать нельзя. Здесь необходим учет всех особенностей туземцев, дабы нечаянным, нетактичным подходом не разрушить все слабое здание только что строящейся культурной работы.

В первую очередь надо раз и навсегда отказаться от мысли, что в местных условиях, на какие-то местные средства, можно наладить культурную работу. Необходимо, чтобы центр отпускал ежегодно средства на практическое осуществление работы. Деньги можно найти, ведь находят же средства на командировку товарищей для набивания чучел и снимки пейзажей... Если будут средства, то можно подойти к самой работе, не делая ляпсусов и учитывая местные условия.

Основными моментами культурно-просветительной работы среди туземцев должны быть следующие: 1) школа ликбеза; 2) заездной дом; 3) ежегодные спортивные состязания; 4) любительский театр или, лучше, кино; 5) проведение основных революционных торжеств. Вокруг этих пяти моментов, как основных стержней, должна строиться вся работа.

Школа ликбеза и сейчас имеет свою популярность в среде туземцев, выделив же на это минимум средств, мы получим 100 % желающих учиться, потому что туземец знает всю необходимость грамоты и русского языка. Русский язык ему необходим для торговли с факториями и т. д. Школа ликбеза должна научить его хотя бы мало-мальски читать и знать сотню или две русских слов. Кроме того, школа ликбеза должна дать общие понятия о рабочем классе, крестьянстве, фабриках и заводах, как живут и как работают русские труженики при соввласти.

Школа ликбеза должна дать основные понятия и [о] Конституции, советском законодательстве и национальной политике В.К.П.(б), превращаясь постепенно в трехгодичную школу для взрослых.

Заезжий дом (или иначе изба-читальня) должен представлять из себя смесь крестьянской избы-читальни и заезжей красной ярангой. Заезжая яранга должна обслуживать только приезжающих кочевников или оседлых из отдаленных местностей, приехавших по делам хозяйства или в факторию, или в советские

учреждения. При заезжей красной яранге должны быть: 1) жилое просторное чистое помещение; 2) горячий чай, хлеб, сахар — бесплатно; 3) корм для собак — бесплатно; 4) дежурный товарищ, который бы вел беседы с приезжими туземцами о политике, торговле, соввласти, о национальной политике В.К.П.(б), партии и т. д.

Заезжий дом в условиях севера при наличии всех указанных мною пунктов сыграет огромную роль в жизни туземцев и расширит их кругозор. Но без дотации в первые годы здесь не обойтись. Надо туземцам дать, а потом приучать их к самообслуживанию, когда они воочно убедятся в необходимости этого дела. Собезничеством же это назвать нельзя, так как по обычаю туземцев, его и его собак должен кормить тот, к кому он приехал. И если здесь, в красной яранге, туземца не обогреть, не покормить, то он пойдет к соплеменникам, которые его собак накормят, а на утро приходят и говорят: «К Вам ездят туземцы по своим и Вашим делам очень много, мы их кормили, кормили их собак, у нас у самих нет мяса, и скоро будем голодать». Вот последствия. Не надо бояться миражных опасностей. Надо помнить, что мы имеем дело с туземцем, а не рабочим или крестьянином.

Любительский театр пользовался бы здесь огромнейшим успехом, если бы организация его не стоила слишком дорого. Но он должен быть при каждой школе. Я помню, как мы с группой товарищей, имея кое-какой грим, в одной комнатухе на четырехаршинной сцене поставили для туземцев пьеску «Сон мужика». Я бы посоветовал всем жаждающим славы и бурных оваций артистам ехать сюда. Пришлось ставить два раза днем и вечером, по семь раз перегримировать участников.

Туземцы, никогда не видевшие грима, очумели с первого раза. Они были удивлены тем, что на сцене находятся незнакомые им люди. Нас бы с такой игрой выгнали из любого рабочего клуба, а здесь мы пользовались неуязвимой славой. Туземцы говорили, что они согласны сидеть всю ночь, и просили ставить еще.

Пьесы можно с успехом ставить на русском языке, объясняя сущность ее перед началом, и все выпуклые моменты останутся в головах туземцев, так как они обладают столетним опытом наблюдать и схватывать основные моменты явления. Для туземного театра необходимы простейшие пьесы с танцами, пляской, игрой на простых музыкальных инструментах и, конечно, революционного содержания. Постепенно к участию в спектаклях можно приучать туземный молодежь. В школах детские спектакли можно ставить всегда. Организовать это дело можно при достаточном терпении педагога.

Кино имеет, конечно, большие преимущества перед театром, так как его можно передвинуть в другие места. Кино здесь будет пользоваться такой популярностью, как нигде. Фильмы нужны следующего характера: 1) показать туземцам, как вырабатываются сельскохозяйственные продукты; 2) про-

изводственные (фабрики, заводы, железные дороги и т. п.); 3) революционные манифестации, демонстрации, торжества с участием наших вождей; 4) простого содержания, без сенсационностей и любовных объятий (революционные); 5) можно трюковых, но обязательно с показательной стороной мира животных, фауны других стран и промышленных центров.

При помощи кино мы познакомили бы туземцев с бытом, жизнью других стран, с производством тех продуктов, какие они употребляют и т. д. Кино должно стать мощным рычагом, одним из орудий нашего идеологического завоевания туземцев Чукотки.

Четвертым моментом культурной работы среди туземцев являются ежегодные спортивные состязания в духе населения. Нет нигде столь развитого спорта, как среди местных туземцев. Исстари заведен обычай, что всякому крупному хозяйству или начинанию предшествуют спортивные состязания. Проводя революционные торжества или просто применяясь к местным условиям, мы должны использовать спортивные состязания как проводник культурных целей. На спортивные состязания с призами, конечно, важнее всего собрать туземцев со всей округи данной местности.

Проведение торжественных дней революции не должно проходить без спорта, введя в принцип годовое состязание на призы «Октябрьский» и «Майский». За что и как, это будет видней здесь, на месте. Таким образом, мы в состоянии будем охватывать большую массу населения, приучая их к революционным традициям и проводя в среду их постепенно идеи соввласти и партии. Вот в общих чертах то, что по моему мнению, необходимо сделать для культурно-просветительной работы на Чукотке. Пора нам взяться за дело серьезно, ибо мы можем упустить момент и дожидаться, когда туземная идеология совершенно засорится американофильством, и нам укажут на дверь и скажут: «Идите вы обратно, туда, откуда вы пришли», если не хотите нам помочь практическими и действительно разумными начинаниями.

Р.К.П., СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И ТУЗЕМЦЫ

Специфические экономические условия и способы производства создали в туземцах соответствующую идеологию и взгляд на окружающее. Весь кругозор туземца заключен в тесном кругу религиозных предрассудков и обычаев. Все явления в природе и обществе туземец склонен объяснять влиянием внешних сверхъестественных сил — духов, злых или добрых. Наряду с этим, туземец на опыте начинает убеждаться в превосходстве некоторых новых способов охоты и орудий над старыми, и в этом видит победу над злыми духами. Каждый туземец сейчас видит преимущества вельбота над байдарой, китобойной пушки над гарпуном или дробовика над элекоте (род лассо на концах с костяными мариками для ловли уток). Но, узнавая все это, он

не отказывается от древних обычаев, косности, боязни нововведений и религиозных предрассудков.

Несмотря на проникновение в самую массу туземцев огнестрельного оружия, более усовершенствованных способов охоты и передвижения, внедрения европейских товаров, а отсюда и расширение туземных потребностей, в гуще своей туземец остался прежним дикарем, отсталым и совершенно оторванным от общей социальной и экономической жизни человечества. Все интересы туземца сводятся лишь к тому, как можно больше запастись мясом, чаем, табаком и как можно больше народить себе подобных.

Революция совершенно не затронула туземца Чукотки. Здесь ведь не было гражданской войны, в которой народы выкалывают и вываривают свое классовое самосознание и оформляют ненависть к бывшим эксплуататорам, находя истинных защитников угнетенных наций. Здесь не было военных переворотов, наступлений, отступлений, в которых принимал бы участие туземец. Переворота идеологического в головах туземцев и на девятый год революции нет. Взгляд на власть у туземца остался прежним.

Когда-то завоеванные русскими, туземцы под властью царизма не получили и минимальной части той дворяно-буржуазной культуры, которая в свое время пустила корни в России. Заброшенные среди необозримых тундр, снегов, льдов, туземцы вели свой обычный образ жизни, подвергаясь лишь разлагающему влиянию русских и американских торгашей, сплавивших их водкой, или подвергались поездкам «начальства», запрягая по 24 собаки в нарту начальника уезда, отдавая своих жен или дочерей на ночь начальству или купцам. О власти, как о таковой, они представления не имели, слышали, что есть царь, а кто и что он — не представляли. Говорили, что очень сильный человек, и его посланцев нужно слушаться. Разгул царских опричников и спекулянтов окончательно убивали проблески самосознания туземцев.

Наряду с этим бешеный рост американского капитализма, который в погоне за наживой быстрыми и решительными действиями, выбросив массу дешевого товара и снабдив огнестрельным оружием туземцев, подорвал вконец экономический престиж власти и вытеснил захудалую русскую частную торговлю. Царское же правительство смотрело на это сквозь пальцы, связанное борьбой за власть с поднимавшимся революционным движением рабочего класса.

К началу революции туземцы находились под прямым экономическим, а отсюда и идеологическим воздействием американского капитала и представляли из себя ярких американофилов. . . Советская власть и партия, занятая внутри огромного Союза сперва гражданской войной, потом борьбой с разрухой и белогвардейщиной на Дальнем Востоке, не могла прийти на помощь далекому Северо-Востоку и присоединить его к Союзу Советских Республик.

Да и сама организация советской власти здесь шла очень медленно ввиду оторванности от руководящих центров и отсутствия средств. Прошедшая в 1925—26 году советизация края, выборы в лагеркомы, присоединили район чисто формально. Никакого сознательного отношения к организации власти в лагерях туземцы не проявили, и не вина здесь местных работников. Виноваты объективные условия, действующие здесь.

Вековой гнет самодержавия воспитал и развил в туземцах животный страх перед властью. Для туземца начальник — все, и Бог, и судья. Он боится обидеть в нем олицетворение могущества белых, от которых зависит его существование. Правда, есть в среде туземцев одиночки, бывалые люди, этих ничем не удивишь, но все они поголовно американофилы. Для массы же туземцев все члены Райревкома — все эрмы (начальники). Всякое приказание выполняют, будь оно даже абсурдом.

На выборах в лагеркомы случалось иметь такую картину: собрание выбирает лагерком. Все молчат. Бывший председатель объясняет, что надо выбрать комитет. Причем объяснения идут самым примитивным способом. Раньше я был один, теперь надо выбрать трех, так хочет высший эрм. Собрание начинает ыкать, то есть выражать согласие, а потом заявляют, что они хороши все, и пускай эрм выбирает трех сам и назначает. С любой кандидатурой, выставленной эрмом, они согласятся. Если же дать им волю выбирать (я это практиковал), то они в большинстве своем приходят и говорят: «Нет, мы не можем выбрать, иди и выбирай сам». Вот картина выборов. Она ярко характеризует «понимание» власти туземцами.

Ко всему этому надо прибавить, что, как туземцы не боятся власти, но к каждому новому ее представителю относятся очень осторожно, и на все вопросы у них один ответ: «Кооо (не знаю)».

Стоит только подарить ему что-нибудь, угостить чаем, сахаром и табаком, переплатить ему за купленную у него вещь, как у туземца развязывается язык, и новый эрм становится хорошим человеком. На практике местной жизни мне приходилось видеть, как наши полномочные товарищи, приезжавшие сюда на время ревизии или по другим делам, сознательно создавали себе дешевую репутацию путем бессистемной раздачи подарков, переоценки купленных вещей и т. д. Может быть, это и нужно было этим товарищам, но они такими поступками приносят только вред, и вред огромный, развивая в туземцах мнение, что эрм за дрянную вещь в 7 руб. должен дать 15, за рублевую — 3 и т. д.

Вся эта дешевая репутация приезжающих товарищей, которые говорят: «Пускай они меня вспоминают добрым словом», тяжело отражается на местных работниках, которые знают вред этой дешевой политики.

Правда, без этого обойтись нельзя, но это надо делать тогда, когда необходимо. Необходимость же может проявиться где-нибудь в дороге, в пургу или

когда туземец тем или иным способом помогает представителю власти разобраться в трудном для него вопросе, дает сведения и т. д., а развивая у чукчей и эскимосов манеру заламывать несоответствующие цены, потакать им в этом, и все это ради дешевой славы и репутации, нельзя. Надо помнить одно, что мы имеем дело с туземцами, у которых представление о власти очень и очень своеобразное.

Поскольку у туземцев имеется своеобразное представление о власти вообще, плюс к тому же мнение, что всякая власть хороша тогда, когда она дает дешевые товары, постольку партия и советская власть здесь, в туземном районе, должны иметь своеобразный подход к разрешению административно-хозяйственных вопросов. Как не силен дух американофильства среди туземцев, изжить его можно быстро. Нужны только решительные шаги в изменении политики цен нашей торговли на Севере.

Несмотря на проникновение капитала, как американского, так и русского, на наш Северо-Восток, все же масса туземцев по своему классовому содержанию однородная. Эта причина кроется в том, что капитал, вливавшийся на Чукотку, не строил промышленное хозяйство, не пролетаризировал туземцев, а грабил всеми методами колониальной политики. Капитал здесь снимал сливки пушных природных богатств, не оставляя в крае никаких следов, кроме разрушения. Ни одного мало-мальски промышленного характера предприятия здесь не было и нет. Все зиждилось на меховой [торговле] с промышленниками-туземцами. А известно, что охота не ведет за собой классового расслоения.

Правда, к моменту возникновения советской власти в районе, здесь есть зажиточные туземцы и даже человек пять торговцев, но это единицы. При этом, как считать зажиточного туземца, кулаком или середняком, когда у него работают другие туземцы, получая равную часть пойманной добычи? В массе туземцев сильно развит дух коллективизма. Охота на крупного морского зверя проходит только артелями, члены которой получают каждый свою равную другим долю. Взаимопомощь тоже развита, сильнее, нежели у нас. Каждый туземец, если у него нет мяса, имеет право на кусок у другого, который имеет.

Наряду с такими положительными сторонами, в туземцах развит дух торгашества. Их можно назвать северными цыганами. Каждый туземец — это мелкий торговец. Торгует он чем угодно и когда угодно.

Богатые купцы-туземцы, имея батраков, числят их членами своей семьи, но у этих уже заметна склонность к эксплуатации, таких туземцев в районе единицы. Кроме того, они все пользуются громадным уважением среди остальных туземцев как спортсмены: тот борец, тот бегунец, третий наездник на собаках и четвертый знаменит тем, что народил пять или шесть детей, и все сыновья (это считается большим счастьем и богатством).

При таких условиях на местном туземном классовом расслоении не сыграешь. На примере же других стран строить работу нельзя, так как туземцы абсолютно не представляют социальной жизни цивилизованных капиталистических стран. Для него только одно ясно, что белые живут лучше его, имеют много хлеба, чаю и табаку, и он хочет тоже жить также и лакомиться этими деликатесами.

Туземцы, не имея представления о социальной жизни капиталистических стран, Советской России, не знают и не понимают, почему идут войны между белыми (белыми они называют всех, и русских, и иностранцев), почему рабочий класс не слушает своих богачей. О партии они не имеют никакого представления. В их головах Октябрьская революция складывается следующим образом: был Ленин наклепки клуяль (хороший человек), он собрал всех бедных, убил царя и прогнал прежних начальников и сам стал начальником, обещая всем много хорошего на этом свете. Ленина знают, немногие, но знают и помнят по портретам.

Остальной же борьбой не интересуются. Все их ожидания и чаяния сводятся к тому, что русские привезут им много хорошего, дешевого товара, и они будут счастливы. Кроме того, они часто хвалятся, не понимая классовой вражды, что, дескать, они, туземцы, друг с другом не дерутся, а белые вечно чем-то недовольны и мирно жить не хотят. Причины этого кроются в их специфическом экономическом положении и низком культурном развитии.

Таким образом, подход к туземцам на основе одной лишь политической обстановки не годится. Здесь необходим подход, который бы своими практическими действиями показал туземцам, кто их враги и кто друзья. Этот подход должен сводиться к экономической работе местной власти, которая должна через торгово-промышленные кооперативы вести показательную работу и влиять на туземное хозяйство. Обладая возможностью дать туземцам дешевый товар, вовремя открыть кредит и принимать по справедливым ценам пушнину, местная власть, а значит и вообще власть, выиграла бы в глазах туземца.

Кроме того, хозяйственно-экономическая работа органов власти сама по себе говорила бы туземцам, кто их враг и кто друг. Туземцы бы поняли, что представители власти — не только приказывающие личности, но люди, которые заинтересованы в благополучии туземцев. Без этого обойтись нельзя, сколько бы мне не возражали.

Туземцы могут быть легко вовлечены в хозяйственную работу кооперативов. А отсюда они легко поймут значение советской власти, будут строить ее сознательно, а не под давлением. Только тогда можно будет говорить о фактической советизации и действительном присоединении этого района к общему росту Советских Республик...

ПРОМЫСЕЛ МОРСКОГО ЗВЕРЯ

Промысел морского зверя распространен по всему юго-восточному и северному побережью Чукотского района. Начиная с б. Преображения и кончая м. Шелагинским в Северном Ледовитом океане, повсюду можно бить морского зверя. Весь этот огромный промысловый район представляет из себя пеструю картину по своей доходности. . .

. . . Способы охоты у туземцев на каждого зверя различны. Начнем с крупного зверя.

а) *Промысел кита*. На кита туземцы охотятся всегда артелями, на 4—5 вельботов при 2-х больших байдарках. На каждом вельботе помещается от 10 до 15 человек гребцов и охотников. К самой охоте всегда долго готовятся, чинят вельботы, хорошо просушивают байдарки, готовят гарпуны, китобойные пушки и снаряды к ним. Не обходится, конечно, без шаманства. На судне, где находится лучший охотник, присутствует шаман, наличие которого, якобы, помогает в охоте на кита. Каждый вельбот имеет своего шамана, который должен помогать охотникам своим присутствием.

Приготовившись к охоте, туземцы при благоприятном ветре уходят в открытое море, иногда за 15—20 и больше миль, где и начинают крейсировать, выслеживая кита. Вельботы и байдары отходят друг от друга на значительное расстояние, чтобы не мешать друг другу, но в то же время не теряют себя из вида, дабы в случае надобности помочь товарищам в беде или в удаче. К слову сказать, ни один туземец не умеет плавать.

Увидев кита, вельбот начинает его преследовать и, приблизившись к нему на расстояние 8—10 шагов, бросают снаряд в затылочную кость животного или в хребет, ближе к голове, в тот момент, когда животное поднимается на поверхность воды для набирания воздуха. Бросив снаряд, охотники ловким маневром удаляются от животного, дабы не быть убитыми мощными ударами хвоста раненого или умирающего животного. Удаляясь, охотники распускают конец ремня (лахтачьего), на конце которого привязан буюк из надутой воздухом нерпичьей шкуры. Если зверь убит, то его еще загарпунивают и при помощи всех находящихся на охоте вельботов буксируют к берегу, где и начинается церемониал и разделывание туш. Если же зверь ранен, его преследуют до тех пор, пока позволяют условия, погода, наличие запасных снарядов и т. д. Орудия и способы охоты, конечно, не одинаковы. Если есть вельботы и пушки, то бьют вышеуказанным способом, если нет, таковых бьют с обыкновенных байдар обыкновенными гарпунами. Охота на кита очень опасна. Но так как она дает массу мяса и ценного уса, то туземцы рискуют всем, но не упускают случая поохотиться.

б) *Охота на белуху* происходит с байдар или вельботов из винчестеров. . . Но это животное очень трудно промышляемое, так как имеет свойства: 1) бы-

стрый ход, 2) короткий промежуток времени пребывания на поверхности воды, 3) быстро тонет.

Поэтому процент умышленных белух очень мал. Убитые часто тонут, а раненые уходят и погибают в море. Туземцы не очень охочи на такую охоту, они предпочитают опасную охоту на китов пустой трате патрон. Белуха промышляется тогда, когда нет китов или что-то мешает их охоте, например, отсутствие китобойных патронов. Впрочем, иногда туземцы умышленливают огромное количество белух, но это бывает редко. Например, в 1925 году, во время хода белухи в районе Колючинской губы был интересный случай, когда мать-природа помогла туземцам набить и запастись белужьим мясом на многие месяцы.

В самый разгар хода белух северным ветром заперло льдом выход из Колючинской губы, остался лишь узкий проход против в несколько сажень. В эту щель и устремилась вся масса животных, спеша уйти из ловушки. Здесь то их и подкараулили туземцы и били без промаха. Сколько убитых, раненых, неизвестно, туземцы же вытащили на берег около ста штук. Огромное количество было затерто льдом и унесено под льдом в море.

Мясо кита и белух у туземцев считается деликатесом и идет в пищу. Для собак оставляют мясо моржей и их жир.

в) *Охота на моржа* также различна по употребляемому оружию, но в подавляющем большинстве происходит из винчестеров... с гарпунами на байдарках и вельботах. Весной во время хода моржей туземцы на вельботах и байдарках, вооружившись винчестерами и большим количеством патронов, выезжают в море к большим льдам. Высмотрев стадо моржей на льдине штук в 40 или 50, которое спит, греясь на солнце, охотники подъезжают к противоположному краю льдины, вылазят на лед и открывают большой беспорядочный огонь по стаду. Убитые остаются на месте, раненые убегают в море, а живые, оправившись от первого испуга, иногда наступают на байдару с охотниками. Отстрелявшись от нападения, охотники берут сперва клыки вместе с головой убитого моржа, потом снимают шкуру, потом мясо.

Таким образом, иногда каждая байдара убивает до 30 штук моржей, но зарвавшись и попав в полосу ветра, всю добычу выбрасывают за борт, оставляя только головы с клыками. Такой нерациональный убой моржей убийственно отзывается на состоянии моржового промысла вообще. Такой способ применяется повсеместно, где идут моржи... Добычу, привезенную на берег, делят поровну между участками, хотя бы это были подростки.

Осенний способ охоты на моржей другой: в это время моржи спят на воде. Охотники под парусами или на веслах нагоняют стадо спящих моржей, производя как можно меньше шума, бьют спящих гарпунами. В этот период туземцы запрещают стрелять при южном ветре уток, топить печи углем и т. д., мотивируя тем, что моржи просыпаются и уходят далеко в море...

ТОРГОВЛЯ

Торговля в Чукотском районе издавна носит характер товарообмена. Деньги, как эквивалент стоимости товаропродуктов, имеют здесь незначительное распространение. В подавляющем большинстве эквивалентом, с одной стороны, служит пушнина и морское сырье, с другой — чай, табак, и тому подобные товары европейской выработки.

Давно, еще во времена царской власти, сюда хлынул американский хищнический капитал. Экономическое бессилие царской власти дало возможность американскому капиталу пустить глубокие корни в хозяйство и умы туземцев. В последнее десятилетие влияние американского капитала углубилось, оставив после себя пышный цветок американофильства туземцев. Из крупных американских фирм, подвизавшихся здесь за последние годы, мы знали: Гудсон-бей, Феликс и бывший золоторотец и авантюрист Свенсон. Кроме этих крупных акул на Чукотку ежегодно приходила масса хищнических шхун. Из русских торговых фирм здесь работали братья Караевы и с десяток мелких прихвостней и поклонников американского капитала, перебивавшихся подачками и остатками от американцев.

О засилье американского капитала говорят голые цифры. Из всей добываемой и скупленной пушнины в районе на долю американских фирм приходилось огромное большинство... (В 1922—1923 гг. американцы скупили 2 285 белых песцов, 265 красных лис и 108 белых медведей; 25 русских коммерсантов и скупщиков — 1 482 белых песца, 251 красную лису и 59 белых медведей. — *Ред.*).

Принимая во внимание, что 50 % всех русских частников сдавали пушнину опять-таки американцам, мы будем иметь подавляющую цифру скупленной пушнины американцами. Годами монополично владевший чукотским рынком американский капитал изучил мельчайшие подробности его, все потребности населения, количество и качество.

Ни ОКАРО (Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество. — *Ред.*) в 1924/25 году, ни наш Д.Г.Т. не могут равняться в этой области с американцами. Еще долго надо будет учиться нашим краскупам торговать с туземцами.

В 1925/26 году на территории района работали три фактории Д.Г.Т., одна Якутского госторга и частные торговцы в числе девяти. Частный капитал раз в десять меньше Д.Г.Т., но вреда он приносит очень много. Причина та же, что и с американским капиталом. Частник лучше знает рынок, потребности туземцев и ухитряется продавать товар на пушнину дешевле — дороже расценивая зверя на круг. Кроме того, частник — свой человек здесь, он, имея десятилетия среди туземцев, завел себе знакомство, родственные связи и т. п. Наши же Госоорганы имеют штат, желающий много лучшего, чем он есть

сейчас. Все это задерживает развитие Госторговли и служит громаднейшим тормозом для работы местной власти по советизации и проведению советских принципов в жизнь туземцев.

Кроме того, сама политика цен Дальгосторга подрубает тот молодой сук, на котором она сидит... Д.Г.Т. по присвоенным ему правам является монопольным скупщиком пушнины на Чукотке. Против этого никто, конечно, не думает возражать. Но, думается мне, что каждый монополист, да еще к тому же советский, должен заботиться о том, чтобы источник его доходов не иссякал. Его работа должна быть поставлена так, чтобы она давала не только прибыль собственному карману монополиста, но и обеспечивала бы возможность получения прибылей на будущее время, то есть давала бы возможность местным отдельным хозяйственным единицам жить и развиваться в пользу монополиста...

Посмотреть сейчас, является ли таким хозяином Д.Г.Т. на меховом рынке Дальнего Северо-Востока, и отвечает ли его политика цен интересам государства? Выше я говорил, что основным промыслом местного оседлого населения является морская охота и промысел белого песка. С кочевниками-оленоводами на территории Дальгосторг ведет обменную торговлю, главным образом, на песка, принимая в незначительном количестве продукты оленеводства. Значит, и мы будем базироваться только на двух видных промыслах — морском и пушном. Эти два промысла представляют ту сферу приложения капитала, в которую Дальгосторг вкладывает свои капиталы и которую должен знать назубок.

Картина экономики туземца складывается из: 1) количества упромышленных китов, моржей, лахтаков, нерп, белых медведей, песцов и т. д.; 2) наличия и качественного состояния охотничьего инвентаря: оружия, огнеприпасов; 3) количественного и качественного состояния средств передвижения: вельботов, байдар, собак; 4) количества, качества, ассортимента и расценки на товаропродукты, завезенные Дальгосторгом в свои фактории, в первую очередь на: патроны, китобойные бомбы, табак, чай, мануфактуру и т. д.; 5) приемочных цен на песка, лахтака, нерпу, моржовый клык, китовый ус и 6) положение основных видов промысла и их тенденции. Вот основные элементы экономики туземного хозяйства данного района. Без учета вышеуказанных пунктов ни одна торговая организация не должна начинать своей работы...

Спросить наших представителей Д.Г.Т., учли они все вышеуказанные обстоятельства, они вам ответят: «Мы собаку съели на северной торговле, у нас спелы сидят, проэскты, балансы, сметы, штаты составляют, а вы спрашиваете...» Я же осмелюсь сказать, что хоть эти товарищи и говорят, что они собаку съели, но должно быть, собака была с душком, немного припахивала колонизаторской политикой. Лучшим примером этого служит местная поли-

тика Дальгосторга здесь, среди туземцев Северо-Востока... Выступая монополистом, Дальгосторг допустил классическую ошибку, разрешив партии Свенсона скупать пушнину, не уведомив даже местную власть, на каких правах будет действовать Свенсон, по каким ценам будет торговать и принимать.

Здесь, видите ли, «коммерческая тайна»... Свенсон... преспокойно собрал пушнину по 50 руб. на круг и снабдил своих подставных агентов дешевыми товарами на сумму (по данным чукотской милиции) в 12 000 долларов. Собрав пушнину по высокой цене, он обещал туземцам еще вернуться и для него сберечь пушнину нового сезона.

Лимиты Д.Г.Т. и приемочные цены Свенсона в 1925 году:

Дальгосторг	Руб.	Коп.	Свенсон	Руб.	Коп.
Белый песец 1 сорт	45	—	Песец без разбора сортов	50	—
Белый песец 2 сорт	35	—			
Белый песец 3 сорт	25	—			
Клык моржовый	—	50	Клык моржовый белый, фунт	1	50
			Клык моржовый цветной	2	—
Ус китовый, фунт	—	57			

Соотношение цен в Д.Г.Т. и на шхунах Свенсона в 1925 году:

	Дальгосторг		Свенсон	
	руб.	коп.	руб.	коп.
Патроны к винчестеру	3	60	2	80
Винчестер	150	—	60	00
Табак курительный, фунт	2	—	1	50
Табак жевательный	2	—	1	50
Сахар, фунт	—	50	—	36
Чай байховый	3	—	2	50
Чай кирпичный	1	50	—	80

Туземцы, видя такое расхождение цен, явно стали придерживать пушнину и ждать американских шхун. Последствием несправедливой политики цен и промаха со Свенсоном, Д.Г.Т. к концу боевого сезона на трех факториях собрал около 1 200 хвостов пушнины.

Вторым крупным последствием этого была затоваренность Д.Г.Т. На всех факториях было продано товара не более как на 40—45 %.

Кроме всего выше сказанного, лимитная политика Д.Г.Т. тяжело отражается на общем состоянии туземного хозяйства. Правда, как тут туземцу жить, когда при ухудшающемся морском промысле мы имеем следующую картину соотношения приемочных цен на сырье и цен на основные товары.

Лахтак большой — 25 руб., средний — 15 руб., малый — 10 руб.; моржовая шкура — от 10 до 16 руб.; нерпа 1-го сорта — 60 коп., 2-го сорта — 90 коп.;

клык белый и цветной — 50 коп.; ус китовый выше 6 фунтов — 75 коп., ниже 6 фунтов — 40 коп.; лахтаций ремень — 80 коп. за фунт.

Чай кирпичный — 1 руб. 50 коп.; чай кирпичный второго сорта — 1 руб., чай байховый — 3 руб.; мука 55 фунтов — 6—7 руб.; патроны — 3 руб. 60 коп.; табак курительный — 2 руб. за фунт; табак жевательный — 2 руб. за фунт; сахар — 50 коп. за фунт; полозья для нарт — 12 руб. пара.

Поневоле туземец взвояет, поневоле он будет американофилом, когда хочешь-не хочешь, а тащи нерпу за 60 коп., а за патроны отдай 3 руб. 60 коп. Мука же 7 руб. кулек, то есть 8 нерп. А сколько потребуется патрон, чтобы убить 8 нерп? Не меньше 1½ пачек, то есть 30 штук. А 30 штук патронов стоят 5 руб. 40 коп. Где же тут туземцу есть хлеб, он чуть-чуть обрабатывает патроны.

В моменты голодовок туземец часто продает необходимое в семье сырье, стремясь чем-нибудь поддержать свое существование.

Вот здесь-то и нужен своевременный кредит, может быть, даже долгосрочный. На практике получается иначе. Фактория б. Провидения в разгар эпидемии и отсутствия охоты в 1925/26 году отказала туземцам в кредите, мотивируя это тем, что у туземцев нет охоты, а вот когда охота начнется, тогда дадим в кредит. Если это не головотяпство, то контрреволюция зава (заведующего факторией. — *Ред.*).

Такая политика цен и действия местных заводов только подрывают авторитет Д.Г.Т. и приносят ему вред.

Посмотрите на ассортимент товаров и скажите, где были глаза у товарищей, когда они покупали этот товар. Здесь есть бинокли театральные в 50 руб. штука, медные котлы толщиной в лист бумаги 10 руб. штука, 20 ящиков гнилой картошки, есть скумбрия, осетрина консервированная, сукно в 16 руб. ярд и тому подобные товары. Но нет таких вещей, как болты для нарт, абсолютно нет белил для крашения вельботов. Завезено несколько пар дубовых полозьев, а потребность в них огромная. Нет китобойных бомб (было семь штук, так они оказались никуда не годными). Нет ни одного листика наждачной бумаги, которая до резки нужна кустарям, завезено 8 пудов дроби, когда ее нужно минимум 25 пудов. И мне скажут, что Д.Г.Т. не виноват. Кто же [виноват] в таком случае? Объективные условия. Эта отговорка общеизвестная, притом людей, которые не являются простыми смертными, а спецами. Надо сознаться в своих ошибках и начать на деле их выправлять.

Быть может, мне скажут: «Что делала и за чем смотрела местная власть и партийная организация?» Ответ на это будет простой. Здесь партийной организации нет, а был один член партии, пишущий эти строки, власть же в лице Ревкома не имеет абсолютно никакого права не только вмешиваться в дела фактории, но даже, если нужно, то допросить служащих Д.Г.Т. запрещено свыше. Нельзя совать свой нос даже в мелочи факторских дел.

Здесь Д.Г.Т. — республика в республике. А власть поставлена в условия: «Не трогай, не допрашивай, когда воруют, не твое дело, приедем, разберемся». И это в районе, где нет ни прокурора, ни Г.П.У., ни телеграфа (до ближайшей радиостанции 1 500 верст на собаках — Анадырь). Если же произойдет какая-нибудь лавочка, то влетит в первую очередь власти, почему, дескать, плохо смотрели?

Вот при таких условиях защищай интересы государства и туземцев. Следи за законным ведением торговли. А завфакториями, между тем, саботируют в даче сведений о пушнине, сырье, обороте и т. д. Коммерческая тайна! Если и можно достать какие-либо сведения, то не официально, а по знакомству. Уполномоченный же по району на словах приказал не давать никаких сведений представителям власти, — это не их дело, это коммерческая тайна. Получается, таким образом, следующее положение. Ревком не имеет право знать коммерческую тайну, но ведь ее же знают завфакторией — все бывшие спекулянты, черт возьми! Вот так картина.

Таково положение на местах, действительное, без прикрас и преувеличения. О том, что туземцы недовольны лимитной политикой, говорит следующий факт. На выборах в лагеркомы боевым вопросом был: «Торговля с Америкой». Туземцы откровенно, без боязни, ответили на мой вопрос: «Будут ли они помогать нам захватывать контрабандные шхуны?» «Зачем мы будем трогать хороших людей, мы сами с удовольствием добились бы русских торговцев, потому что они нас не жалеют».

Правда, туземцы никогда не выступают активно, это только образная фраза, но она ярко характеризует отношение туземцев к нашей Госторговле. Значит, здесь не все благополучно. Не все гладко. Необходимы какие-то меры, которые показали туземцам, что мы их действительно друзья, а не враги, что мы пришли сюда не только торговать и собирать пушнину, но что-то создать и двигать туземное хозяйство вперед, а не разрушать остатки...

СЕМЬЯ И БРАК

Два племени туземцев, живущих сейчас на территории Чукотского полуострова — чукчи и эскимосы, имея различные языки, мало чем отличаются друг от друга внутрисемейным укладом жизни. Как те, так и другие, занимаясь охотой на морского зверя, которая требует от человека накопления известного опыта в области жизни животных и явлений природы, живут отдельными патриархальными семьями.

Кроме этого, за последние десятилетия эти два племени усиленно завязывают родство между собой. Активной стороной в этом деле являются чукчи, как более сильный в экономическом отношении народ; чукчи часто женятся на эскимосках.

Основным языком на территории района является чукотский, эскимосы все говорят по-чукотски. Причина эта кроется в давнишней победе чукчей над эскимосами, после которой чукчи стали, как более сильное племя, прививать свой язык и обряды, впитывая между прочем обряды и празднества от эскимосов, переводя все это на особый лад сообразно условиям, так что к настоящему моменту эти два племени в этом вопросе однородны.

Береговое население жило когда-то отдельными родами, но это давно, ни один туземец не помнит и не представляет себе родового уклона их жизни. Все стерлось годами. Даже оленеводы, менее затронутые влиянием американского и европейского капитала, утеряли из своей памяти представление о роде как форме родственного содружества. Как те, так и другие, живут сейчас отдельными семьями, ведя индивидуальное хозяйство, объединяясь коллективно только во время морской охоты на крупного морского зверя.

Главой семьи считается мужчина, старший по возрасту, остальные члены семьи подчиняются его распоряжениям, слушают и исполняют его советы. Распределение обязанностей в семье самое несложное. Мужчины и юноши, способные к физическому труду, занимаются охотой, починкой инвентаря, ухаживают за собаками. В свободное от охоты время мужчины занимаются спортом, если позволяет погода, в большинстве же случаев — разговорами и бестолковыми шатаниями из яранги в ярангу в поисках новостей. Мужчина в семье туземца пользуется властью владыки-деспота. Домой в полог он идет отдыхать, спать с женой и только. Вся грязная огромная работа по дому туземца лежит на женщине-матери, дочери или других родственницах. Приказания мужа или отца выполняются беспрекословно. На обязанности женщины лежит уборка полога и яранги, пошивка новой и починка старой обуви охотников, приготовление пищи и поддержание огня в ээках.

Женщины не имеют права голоса на собрании туземцев. И благодаря своему очень низкому развитию, их не вытащить из полога. У кочевников положение женщины еще хуже. Там на обязанности женщины, кроме всей вышеуказанной работы, лежит постройка чума и перетряхивание пологов. Женщины кочевников завидуют оседлым, находя, что положение вторых лучше их. Но оседлые с радостью выходят замуж за состоятельных оленеводов, предвкушая массу пищи из оленьего мяса и отсутствие голодовок, которые, в первую очередь, отражаются на оседлой женщине. Объективно рассуждая, положение женщины, как кочевницы, так и оседлой, — одинаково тяжело и даже мерзко.

Женщина у туземцев — это самка для производства ребятешек. Счастлива та, которая приносит туземцу-мужу ребятешек-мальчиков — будущих кормильцев и создателей благополучия. Уважением семьи пользуется та, которая имеет пять-шесть детей, из них четыре мальчика. Мужу, конечно, достается венец славы, как сильному самцу, сумевшему сделать четырех подобных

себе. Жену же только сохраняют как хорошую машину, интенсивно работающую во всех отношениях. Встречаются семьи крупные, до двенадцати человек, живущие в двух ярангах, но есть семьи захудалые, в три-четыре человека, ютящиеся в пологу в одну квадратную сажень.

В среде туземцев женщина ярче, чем где либо, выявляется работой мужчины и домашних обязанностей. С детства женщина привыкает к мысли, что она не способна делать то, что делают мужчины. На девочек их сверстники-мальчики смотрят свысока, не принимая участия в их играх и не допуская в свои.

Женщина здесь — домашняя ломовая лошадь, несущая на себе все тяготы семейной жизни туземцев. Причина всего этого кроется, конечно, в охотничье-промысловом быту туземцев, который веками выковал семейные устои туземцев.

Брак местных туземцев, как кочевников, так и оседлых, ближе всего подходит к магометанскому обычаю купли невесты. Но здесь не платят деньгами или оленями, все это есть, но только как придаток к основной плате натурой — физической работой жениха на семью невесты. Брак заключается следующим образом: отец жениха или сам жених ведет переговоры с семьей невесты о том, что они хотят получить взамен девушки. Торги длятся иногда очень долго, месяц, а иногда год, пока обе стороны не придут к соглашению. Уговорившись о цене, мужчина выкупает девушку, но чаще всего идет отрабатывать свою будущую жену к своему тестю, срок работы не установлен. Некоторые работают полгода, год и даже больше, смотря по соглашению.

В период своей работы у тестя жених исполняет все приказания главы семьи и должен почитать его, как своего отца, малейшее противоречие или какой-нибудь скандал ведет к тому, что его выставляют за дверь, и его продолжительная работа пропадает. Такие случаи имеют себе место, но не часто. В большинстве своем жениха берут в дом, когда ему четырнадцать-пятнадцать лет, и он не является самостоятельным хозяином в своей семье, где глава дома или отец, или его старший брат. Взрослые же охотники, или богатые семьи, кои дорожат рабочими руками, берут девушек в более слабых семьях, которым трудно содержать девочку.

Браки заключают очень рано, иногда молодая пара уже живет половой жизнью, когда обоим не исполнилось еще и шестнадцати лет. Стремление туземцев заключать ранние браки имеет под собой глубокую экономическую причину. Охотничий быт, морской промысел или оленеводство требует достаточное количество бесплатных рабочих рук. Заметно, что благополучными по экономическому положению являются крупные семьи, которые покрывают свои потребности продуктами морского или пушного промысла. Да это и вполне понятно: большая семья, где есть мужские

руки в достаточном количестве, представляет из себя коллектив, в котором один — глава коллектива — старший с большим опытом, другой бьет медведей, третий бьет морского зверя, четвертый хороший наездник на собаках, а подростки ловят уток и работают на байдаре или вельботе в качестве гребцов.

Иногда, впрочем, очень редко, в лагере (один или два, не больше) попадают туземцы, имеющие по две жены. Выбирая для себя жену, если это взрослый туземец, или отец мальчика, на женщину, девушку или девочку смотрят только как на будущую мать и домашнюю скотину. Оценка невесты зависит от ее способности работать и наследственных качеств производить на свет массу ребятишек.

Самый акт свадьбы... У оленеводов эта комбинация происходит следующим образом: жених со всеми гостями привозит молодую жену к себе в ярангу. Здесь при помощи трения деревянного гольщика на животе деревянного бога извлекается священный очаг, около которого бьют жирного оленя. Кровью оленя мажут лицо невесты, и наступает празднество, которое длится в зависимости от богатства туземца. После окончания торжества туземец-жених дарит семье невесты оленей, одного или больше, и выпроваживает их, обещаясь им помогать в случае беды. Точно также происходит свадьба и у оседлых. Разница в угощении и его качестве.

Расторжение браков среди туземцев очень редкое явление. А если и встречается, то виноватых в этом деле не найдешь. Вся же тяжесть от этого ложится на женщину, муж которой отказывается кормить ее и маленьких детей. В данном случае жена переходит на иждивение родственников или кормится от подношений всего лагеря. Случаев же отказа в помощи вдовам с детьми я не наблюдал. Коллектив о них заботится, снабжая мясом и жиром. Как не низко умственное развитие туземца, он ясно сознает, что туземцы вымирают (может быть, даже инстинктивно), и благодаря этому он переносит всю любовь на молодое поколение.

Любовь чукчей к детям огромна. У них нам надо научиться любить детей. Я никогда не видел, чтобы мать или отец, или даже чужой человек ударил туземца-ребенка. Посмотрите, с каким терпением туземец-охотник в свободное от охоты время нянчится с ребенком. Целыми часами, если позволяет погода, отец таскает его на своих плечах. Редко можно видеть ребенка-туземца плачущим от обиды его старшими. Все дети дошкольного или школьного возраста играют, шумят, но очень и очень редко дело кончается дракой, как это наблюдается у нас, где действуют на принципе: «дать по сопатке», «накепать», «вышибить красную соплю» и тому подобных терминов, содержащих в себе остаток темного прошлого воспитания путем колотушек и мордобития. Здесь этого не встретите. Здесь дети с малолетства привыкают видеть себя будущими товарищами по охоте...

КУЛЬТ ЖИВОТНЫХ. ПРАЗДНЕСТВА

Поскольку морской зверь является базой существования оседлых туземцев, базой, откуда в течение столетий черпало силу туземное хозяйство, постольку в умах туземцев складывалось веками мнение о их полной зависимости от удачной или неудачной охоты, которая, в свою очередь, зависит от участия в этом деле злых духов, повелевающих всеми морскими животными или через людей, или непосредственно. Вековая борьба оседлых туземцев с морем, холодом, морскими животными отражается целиком в их религиозном культе животных и обычаях.

Надо сказать, что благодаря бедности природных явлений, необъяснимых для туземцев, наш северный туземец не имеет какой-либо стройной религиозной системы. Представление о богах у него очень примитивное. Зависимость его от морского промысла, от удачной охоты заставляет его верить в сверхъестественные силы, которые он делит на две категории — добрых и злых. Злой дух — это черт, мешающий ему в удачной охоте. Добрый дух — помогающий ему в тяжелые минуты справиться с тем или иным бедствием.

Захворал туземец — виноват злой дух, моржа не убил, тут уж, конечно, без злого духа не обошлось, собаки подошли — опять виноват злой дух. Если же все проходит благополучно, все здоровы и охота удачная — тут причина вся в добром духе, туземец гордится и говорит, что его боится злой дух.

Кроме того, туземец думает и уверен в этом, что злых и добрых духов могут напускать ему подобные существа — люди, его враги или друзья. Отсюда та уверенность, что ни одно несчастье не обошлось без участия его личного врага, такого же туземца, только умеющего напускать злого духа. Отсюда развитие шаманизма, боязнь всего нового, необъяснимого и т. д.

Религиозный культ животных моря и обычаи, связанные с морским промыслом, состоят, по моим личным наблюдениям, в следующем: во-первых, разные звери пользуются разным уважением у туземцев. Примерно так: охотник убивает нерпу, тащит ее домой целиком. Но, притащив труп животного, туземец ни за что не внесет его в ярангу и не будет разделять его до тех пор, пока не совершит над ним простого обряда гостеприимства. Или сам охотник, или член его семьи берет в кружку воды из полога и льет животному в рот, угощая его питьем и этим приглашая животного у них гостить и заглядывать почаще, так как туземцы очень добрые люди. Обряд простой, но без него туземцы не дотрагиваются и не разрешают белым людям трогать животного.

Большим уважением, нежели нерпа, пользуется морж — кормилец туземцев. Прибуксировав тушу моржа к берегу, охотник, убивший животное, берет голову, отрубленную от туловища, и ставит ее на клыки глазами к лагрю. Дотрагиваться до головы посторонним нельзя. Затем охотник идет в яран-

гу, приносит оттуда угощения для моржа и присутствующих, состоящего из топленого оленьего мяса и воды. Напоивши моржа (то есть, наливши ему в рот немного пресной воды), охотник перед пастью животного кладет несколько ломтиков сала, остальное раздает присутствующим туземцам. После этого обряда голову кладут в мешок и уносят по принадлежности.

Есть и другие обряды, связанные с культом моржа. В селении Уэлен было когда-то лежище моржей. Теперь его нет. И вот туземцы, веря в силу жертвоприношения, ежегодно осенью от первого убитого моржа берут череп с клыками и торжественно несут на скалистый берег и кладут на могилу. Таких моржовых голов, отданных в жертву морю и моржу, лежит в настоящий момент около тридцати штук. Многие уже сгнили, но некоторые сохранились. Могилу эту может видеть всякий, стоит лишь подняться на скалистый берег над Уэленом.

Самым же крупным по своей сложности обрядов и продолжительности надо считать праздник кита. Собственно, праздника кита, как периодического празднования, нет. Это празднество совершается только тогда, когда убьют кита. Участвуют в празднестве в обязательном порядке вся семья охотника, убившего кита, все родственники и семьи тех членов артели, чья байдара или вельбот упромыслили животного. Остальные присутствуют в качестве гостей. Продолжительность праздника объясняется очень просто. Убив кита на 1 500—2 000 пудов, туземцы обеспечивают себя мясом на долгое время, а раз это так, значит можно праздновать, веселиться и ничего не делать. Обряды во время этого празднества довольно сложны.

Вкратце сказать, весь праздник проходит следующим порядком. Праздник разделяется на две части: 1) подготовительную и 2) само празднование. В подготовительную часть входят все обряды с момента окончания охоты до начала праздников. Все происходит в следующем порядке. Убивши кита, к нему подходят все вельботы и байдары, участвовавшие в охоте. С каждого судна слезают по несколько человек на труп животного и берут себе в вельбот по несколько кусков мяса, затем его все сообща буксируют к берегу, имея впереди вельбот того охотника, который убил кита. Охотник, убивший кита, называется хозяином и в продолжении всего обратного пути выкрикивает: «Эк, эк, эк», а остальные подхватывают крик, где возможно.

Охотники под крики «Эк, эк, эк» вылезают на берег. Здесь происходит следующая картина. На руки охотника, убившего кита, надевают большие рукавицы из нерпичьих шкурок без шерсти, надевают ему головной убор в виде короны с султаном, торчащим прямо вверх, и мажут ему лицо краской красного цвета. Вся семья охотника выходит навстречу в праздничных одеждах и с размаляванными лицами в честь счастливой охоты. После этого приносят из яранги оленьего сала или моржового и бросают в море, как бы давая жертву доброму духу. Затем угощаются остатками сала сами, все время

поздравляя убитого кита со счастливым и благополучным прибытием. После всего этого приступают к дележке мяса и усов, откладывая священные куски-ласты и глаза в сторону. Дележкой руководит старейший член семьи охотника, убившего кита. Охотник, убивший кита, получает большую, нежели все, часть мяса и уса.

После дележки мяса туземцы празднуют пять дней, не работая и не стуча, боясь спугнуть доброго духа, который сопутствовал им на охоте. Через пять дней начинаются приготовления к празднеству, которое начинается в первый день новолуния. В этот период девушки и женщины, преимущественно молодые, репетируют и готовятся к танцам, разучивают песни и т. д. Туземцы-взрослые, старики и старухи, варят священные части кита и готовят вообще кушанья, заготавливают чай, табак, сахар, хлеб и т. п. деликатесы к предстоящему торжеству. К слову сказать, охотник, убивший кита, пользуется всеобщим поклонением, в честь него складывается песня, и девушки разучивают ее, чтобы на празднике пропеть.

За три-четыре дня до новолуния артель и гости идут приглашать луну к себе на торжество. Обряд этот состоит в поднятии байдар на воздух под крики охотников и гостей. Байдара, с которой убили кита, стоит отдельно с поднятыми веслами, как бы приглашая луну участвовать в пиршестве. Яранга, где должно происходить празднество, украшается веслами, копьями и другими предметами охоты. Все эти предметы смазываются китовым жиром (в виде жертвоприношения).

Как только увидят молодую луну, все члены артели и их семейства от мала до велика намазывают себе на щеках краской присвоенный им знак для отличия от других охотников.

Праздник кита длится целый месяц, нередко пять-шесть недель. Продолжительность праздника, опять-таки, зависит от экономического благосостояния охотника и величины убитого кита.

Сущность второй части празднества сводится к следующему. С раннего утра все охотники и часть гостей (старики, старухи и другие родственники) собираются в яранге в пологе слушать песни и смотреть танцы местных певиц и балерин.

Для руководства всем торжеством выбирается президиум в количестве трех членов, все из стариков, почетных туземцев, знающих хорошо обычаи старины и свято хранящих ее заветы. Из трех членов выбирается председатель, на голове которого красуется убор, что-то вроде убора североамериканских индейцев, только не из перьев, а из узеньких ремешков с шерстью из шкурки нерпичьего выпоротка и молодого щенка, спереди этого убора прямо торчит султан. Слово этого председателя [обязательное] как для слушателей, так и для играющих.

Музыка состоит из трех барабанов, на которых выбивают дробь тонкими китовыми пластинками три молодых музыканта с такими же головными уборами, как у председателя. Герой дня, охотник, находится среди трех музыкантов, играя и завывая больше всех.

Набившись в полог как сельди в бочке (на две-три квадратных сажени сорок — пятьдесят человек), совершенно голые, туземцы начинают слушать песни и смотреть танцы. Песни и танцы идут совместно. Чисто вроде дикого оригинального балета. Двенадцать человек девушек и молодых женщин, совершенно голых, с украшениями из бус на руках, ногах и шее, сидят друг другу в затылок в одну линию на высокой скамейке и самими дикими голосами форменным образом орут: «Аяяя — на-наа-ннаа-аянна...», выделявая параллельно с криком различные телодвижения — руками, головой, грудью и корпусом, олицетворяя этим те действия, которые хотят представить. Изображают охоту на кита, медведя, нерпу, как ходят девушки за травой и ягодами и т. д. и т. п. Одним словом, все изображается различными картинками из охотничьего быта.

Слушатели под гром барабанов сперва в такт покачивают головой, но по мере того как музыканты входят в экстаз, начинают подтягивать такие движения, и так все орут, что со стороны кажутся постороннему зрителю бесноватыми.

О том, что туземцы подвергаемы быстрой экзальтации, свидетельствует следующее: один, два резких выкрика председателя торжества вызывают общие выкрики, которые переходят в сплошной рев. Непривычному человеку в таком помещении при оглушительном грохоте барабанов, реве «балерин» и «публики» при атмосфере в 25° Реомюра, насыщенной кислым запахом шкур, мочи и человеческого тела, грозит, по меньшей мере, или остаться глухим, или валяться дня три-четыре с головной болью. За мои четыре посещения этого знаменитого торжества, я только в третий и четвертый раз рискнул залезть в полог и через три-четыре минуты, снявши с себя все что было, — раскаялся в этом.

За исключением этих отрицательных сторон, в праздничных танцах и песнях, есть своеобразная красота. В особенности красивы и жутки моменты, когда вся эта толпа сидящих туземцев в экстазе под грохот барабанов конвульсивно выделяет движения. Глаза горят даже у стариков, мускулы шеи, рук, груди и спины сами по себе сокращаются в судорогах, и все это при оглушительном завывании и выкриках. Бррр! Страшно и занятно. Стоит посмотреть.

В такой атмосфере и, слушая одно и то же с небольшими промежутками и одним обеденным перерывом, продолжается праздник целый день. В перерыве «балерин» угощают в другой яранге, мужчины и охотники и почтенные старухи угощаются в этой, где происходит торжество. Угощение

состоит из китового мяса, жира, китовых ластов, каши из толченого китового уса, чаю, табаку и т. д.

В перерывах старики рассказывают сказки или предания из прежней жизни туземцев. Таким порядком без изменений программы день ото дня празднество длится целый месяц. Все «певицы» и «балерины» охрипнут до невозможности. Все ходят злыми, невыспавшимися, но чувство религиозности, боязни черта и будущих неудач на охоте заставляет туземцев сидеть и продолжать празднество.

В последний день празднества программа дополняется. Ко всем остальным номерам прибавляются номера религиозных обычаев. С раннего утра, если утром можно назвать белесовато-туманный свет, ярангу внутри украшают предметами китовой охоты, а внутри полога под потолком на веревочках, движущихся на блоках, привязывают модели байдар, весел, гарпунов, уток и кита. Под звуки трех барабанов распорядитель торжества с оригинальным головным убором, вооруженный веслом и копьем, начинает танец кита, состоящий в подпрыгивании, притаптывании и жестикуляции веслом и копьем, изображая победу над китом. Во время танца деревянные модели двигаются, а слушатели подражают крику утки и стонам умирающего кита.

До выступления председателя торжества с танцем берется круг лахтачьего ремня, и над ним произносятся заклинания, чтобы добрый дух дал крепость этому ремню в будущей охоте. После этой церемонии присутствующие надевают на себя камлейки из нерпичьих кишок, как бы вновь готовясь идти на охоту.

После танца кита председатель заменяет сам охотника, исполняющего этот танец, но с удвоенной энергией и отчаянной жестикуляцией. На этом танцы заканчиваются, и все присутствующие гости и прямые участники выходят в переднюю часть яранги для совершения последнего обряда.

Здесь уже приготовлен деревянный кол, вбитый прямо в землю, на котором висят амулеты женщины-хозяйки: бусы и кинжал хозяина. Вокруг этого священного кола семья охотника обходит три раза, становясь в затылок по старшинству лет. Затем охотник берет копье, произносит ряд заклинаний, танцует перед входом в ярангу. Танец заканчивается ударом в невидимого врага. Этот обряд направлен в защиту своего дома от злых духов и вообще врагов. Это последний номер празднества.

Засим присутствующие гости прощаются священной пищей, приготовленной из китового мяса и каких-то трав, которая лежит в деревянных чашках, расставленных на полу с утра. Утром на другой день остатки от священной трапезы сжигаются на огне, добытом от трения. Остатки мяса китов еще раз делятся, и праздник заканчивается.

Вот в кратких чертах порядок празднования крупнейшего праздника оседлых туземцев, как я его наблюдал лично сам в 1925 году. К слову сказать,

туземцы не позволяют и ревниво оберегают свои обычаи и действия от фотографирования, чем затрудняется работа, так как не остается наглядных картин, характерных моментов. Нарушать же обычаи туземцев нет смысла, так как после этого не добьешься от них вообще ничего, даже разговора на тему, интересующую вас.

О том, как туземцы ревниво оберегают свои обряды от вторжения чуждых им людей, свидетельствуют факты, когда ни одному белому не разрешается притрагиваться к кускам мяса священных частей кита: ластов, хвоста и т. д. В 1925 году произошел серьезный случай, когда мой пес чуть не поплатился жизнью за святотатство.

Ночью, во время свежевания туши кита, я толкался между чукчами, расспрашивая, что к чему. Около наивкуснейших и святых частей собрались все старики и старухи, оберегая их от вторжения тут же спящих собак. Ни я, ни туземцы не заметили, как мой пес подкрался между двумя стариками и, схватив ломтик мяса фунтов на десять, поволок его по снегу, думая полакомиться. Что тут было! Крик, рев, проклятия. Пес, почуя недоброе, бросил мясо и пустился наутек, преследуемый туземцами. Кончилось же все благополучно, мясо водрузили обратно, а пес получил хорошую встряску...

Есть еще масса обычаев и поверьев, как, например: нельзя ошипанную утку вытаскивать из яранги, нельзя продавать живую утку и т. д. и т. п., но все они прикладные и второстепенные. Эти обряды туземец иногда нарушает тайком от стариков. Описанные же выше обряды культа животных поддерживаются всеми туземцами.

У кочевников культ животных сводится к следующему: оленивод, живя исключительно на разведении оленей, от количества которых зависит его благосостояние, выработал свои обряды и праздники, отвечающие духу скотовода. Крупным праздником у оленивода надо считать праздник тельбы оленей, который начинается после окончания тельбы, весной. Праздник этот называется «Килвей». Сущность праздника сводится к следующему: к одному из крупных кочевников съезжаются другие олениводы, иногда за 300—400 верст. Для угощения вытаскивают жирное мясо оленей, заготовленное с осени, это мясо варят на огне, добытом от трения на животе деревянного бога. Вареным мясом угощают деревянных богов, благодаря их за хороший приплод оленей. Затем чукчи-олениводы угощаются сами, поедая несметное количество мяса, если есть водка, то напиваются в дрезину. На другой день устраивают спортивные состязания: бега на оленях, бег женщин и детей на призы, которые ставит хозяин, устраивающий празднество.

Различные поверья кочевников связаны непосредственно с их основным занятием — олениводством. Олениводы никогда не продают живых оленей

для вывоза, так как у них есть поверье, что после того как они продали американцам живых оленей, и те их увезли, у них, то есть оленеводов, остальные погибли. На туземцев, якобы, прогневался злой дух за то, что они продали белым оленей. Обряды похорон, свадьбы и т. д. все точно также связаны с их промыслом — оленеводством. Таким образом, мы видим, что все праздники, обычаи и поверья туземцев отображаются в культе животных, появляясь как следствие их основного хозяйственного воздействия на природу, то есть морской промысел или оленеводство.

ПРАВЫ И ОБЫЧАИ ТУЗЕМЦЕВ

Как чукчи, так и эскимосы по своему характеру народ миролюбивый. С ними надо только договориться, если разъяснить данный спорный вопрос детально. Внутрисемейный быт и быт всего коллектива поражает в первую очередь постороннего наблюдателя отсутствием скандалов, драк и тому подобных проявлений, которые часто встречаются в нашем культурном обществе. Правда, разногласия среди туземцев есть, есть между ними и ссоры, но каждый туземец старается не подавать вида до поры, до времени, призывая всех злых духов на голову того, кто его обидел.

В прошлом, когда туземцы подвергались спаиванию спиртом, у них происходили частые драки на почве опьянения, доходившие до поножовщины. Теперь этого не наблюдается. По крайней мере, за год моего пребывания среди них, я не видел и не слышал где-либо драк или просто скандалов, какие у нас можно видеть каждодневно в любой деревушке. Все покоится на безусловном подчинении голосу стариков, которые представляют ядро бывших спортсменов и хороших охотников, кроме того обладающих, по мнению других туземцев, возможностью общаться с духами. В каждом необъяснимом явлении туземец видит участие духов, а в человеке, показывающем эти явления, обладающим какой-нибудь способностью, например, в судорогах валиться на землю, мотать длинные ремни, колоть ножом грудь — видит великого шамана.

Ни чукчей, ни эскимосов нельзя назвать трусами, стоит только посмотреть, как туземцы по тонкому льду при помощи двух палок, совершенно не умея плавать, уходят за пять-шесть миль от берега на охоту, и сразу убедисься, что они не трусы. Лазить за чаячьими яйцами на отвесные скалы, ходить на утлой байдаре за тридцать миль в открытое море — для них обычное дело. В то же самое время они, как дети, боятся темноты, боятся грома, сильной пурги ночью и т. д. В этих широтах гром вообще редкое явление, и, по рассказам туземцев, они думают, что на них злой дух сердится, раз он гремит на небе. Во время грома все туземцы спешат спрятаться в ярангу,

думая спастись от злого духа, а шаманы гремят в барабаны и, завывая, произносят заклинания.

Понятие о собственности у них есть. Это мое, это твое, но в то же время каждый туземец имеет право на кусок мяса и ночлег в яранге, если у него нет такового. Воровства между туземцами нет. Все имущество туземца находится не под замком, а на виду у всех. Хотя встречаются туземцы, которые не прочь украсть у белых что-нибудь, но это редкость, и таких членов лагеря туземцы не уважают и стараются от них избавиться.

Нравственность у них своеобразная и резко отличается от нравственности того смысла, как ее понимают в большинстве у нас. Здесь женщина хотя и раба мужчины, но преследовать ее за то, что она отдалась другому, не будут. Наоборот, если муж не способен к оплодотворению, он пускает жену к другому. В особенности туземцы склонны и смотрят сквозь пальцы на половое общение девушек и даже замужних женщин с белыми. Объясняют это они тем, что все белые люди живут хорошо и богато, то есть они счастливы, а поэтому и дети их должны быть счастливы.

Туземка-девушка, если она не имеет детей, может сколько угодно отдаваться, и кому угодно. На этот счет запрета нет. В наших условиях такую девушку прозвали потаскухой, а в деревнях вымазали бы ворота дегтем, да завязали юбку на голове и посадили бы на крапиву. В этом отношении туземцы стоят выше нас на целую голову. Ревность, этот продукт капиталистического общества, еще не пустила глубокие корни в среду туземцев.

Наряду с этим свобода, с какой мужчина, в особенности белый, овладевает женщиной-туземкой, имеет и свою дурную сторону. Женщина-туземка, обладая и отвечая вкусам европейцев, в конце-концов становится на путь домашней проститутки, стараясь за удовольствие, доставленное ее телом, получить хлеба, чаю, сахару для угощения своей семьи. Кроме того, живя полигамически, женщина-туземка заражается венерическими болезнями, которые в местных условиях представляют бич для населения.

Между туземками вообще существует мнение, что мужчина в половом отношении должен быть спортсменом, сильным самцом. Чем сильнее мужчина в половом отношении, тем шире его слава, как сильного человека, и наоборот, над слабыми смеются, называя их стариками. Если вы хотите оскорбить чукчу или эскимоса, то скажите ему, что он слаб в половом отношении. К европейцам они подходят точно так же. Из рассказов одного учителя, работающего среди туземцев, и сейчас видно, что парень находится в затруднительном положении. С одной стороны, он выдерживает марку советского учителя, с другой — ему приходится от стариков слышать намеки: «Что же ты, живешь у нас, молодой, холостой, вокруг тебя столько девушек, а ты тово... Все ли у тебя в порядке? Хочешь, любую отдадим, живи, построим ярангу...» и т. д. и т. п. в этом духе. Парень терпит. Но вытерпит ли? Едва ли.

Старый древний обычай кровавой мести в настоящий момент изжил себя совершенно. По крайней мере, старые туземцы рассказывают о нем в сказках и рассказах, случаев же такого сорта за последние десятилетия не зарегистрировано. Как пережиток старого, остался кровавый обычай, так называемый «последний удар». Обычай сводится этот к следующему. Больной, неизлечимо прикованный к постели или очень старый туземец, будь это женщина или мужчина, все равно, видя, что он становится в тягость родственникам, просит усиленно отправить его на тот свет. Попросту говоря, убить его. По обыкновению с такой просьбой обращаются к сыну, если он есть, если нет, к ближайшему родственнику. В просьбе больному никто не имеет права отказать, так как существует поверье: невыполнение просьбы ведет за собой смерть кого-либо из этой яранги за непослушание.

Операция эта происходит следующим образом. Вечером в полог, где лежит больной, собираются все родственники. Сын завязывает глаза жертвы тряпкой и на шею одевает петлю из тонкого крепкого ремня, за концы которого берутся родственники и тянут в две противоположные стороны. Задушив таким образом больного, труп одевают в хорошую кухлянку, запрягают в нарту пару оленей, если это происходит у кочевников (у оседлых везут на собаках или нарту тащат люди), кладут на нарту труп и отвозят на тундру, где оставляют тело на растерзание воронам, а оленей убивают здесь, нарту же, сломав на части, оставляют около трупа. Олени эти у кочевников считаются святыми, так как на них, якобы, уехал умерший, нарта же считается гробом. Этот обычай «последнего удара» остался и до сих пор. В зиму 1925—26 года были два случая во время эпидемии неизвестной болезни в районе м. Чаплина. Борьба с этим кошмарным обычаем очень затруднительна. Садить виновных в тюрьму за это нет смысла, не достигает цели. Здесь необходимо вмешательство советской медицины.

Похороны вообще проходят у туземцев следующим порядком: в ярангу, где умер туземец, сходятся все родственники и знакомые, рассаживаясь вокруг него. Семейный или приглашенный шаман обвязывает голову узким ремешком, в который продевают палку. Эту палку держит шаман, и начинается обряд «спросы мертвого». Обряд этот сводится к следующему: каждый присутствующий спрашивает мертвеца, кто его убил, и начинает перечислять его знакомых и родственников, просит его не трогать его детей и его самого и т. д. Шаман незаметным движением нажимает на палку, голова поднимается — это знак согласия. Если голова лежит спокойно — знак отрицания. Этим образом часто пользуются шаманы и оговаривают невинных туземцев, якобы уморивших мертвеца.

По окончании этого обряда мертвеца кладут на нарту и везут на тундру в сопровождении родственников. На тундре труп раздевают догола и оставляют на поверхности. Около мертвеца кладут чай, табак, мясо, чашки, нож,

иногда даже ружье и т. д., чтобы мертвец ни в чем не нуждался в длинной дороге до другой жизни между духами. Наргу, на которой привезли тело мертвеца, ломают и бросают тут же. Одежду рвут на кусочки и бросают по ветру. Этим похороны заканчиваются. Над ним, то есть мертвецом, в виде памятника кладут медвежий череп, оленьи рога и т. д. Ярангу, в которой умер туземец, шаман очищает заклинаниями от духа умершего и просит его, чтобы он не возвращался за другими родственниками.

Через пять или шесть дней родственники умершего идут на могилу и смотрят, клюют ли вороны труп, или нет. Если клюют, то хорошо. Если нет, то плохо, значит, мертвец еще придет за кем-нибудь из родственников или ожидает себе товарища для совместного путешествия. Таковы похороны у туземцев. Никаких поминок нет. Над умершим справляют тризну только вороны да собаки. Были случаи, когда собаки затаскивали руку с мясом и голову мертвеца в лагерь. Сколько крику было! Но ни один туземец не дотронулся до мертвых частей тела из боязни злого духа. Так эти кости и глодали собаки, пока не очистили окончательно. Таковы в сжатых чертах нравы и некоторые обряды у туземцев Чукотского полуострова.

Я не имею цели дать подробное научное обоснование того или иного обряда, я это представляю специалистам-ученым, моя же задача была описать то, что я видел и слышал от самих туземцев. Думается мне, что всех вышеприведенных примеров достаточно для характеристики туземца Чукотки. Для вящей убедительности я приведу несколько рассказов и преданий, которые дополнят нам портрет туземца.

До сих пор у туземцев сохранился свой взгляд на мир. У них сложилось под влиянием охотничьего быта свое мировоззрение. По мнению туземцев, весь мир населен духами, которые бывают злые и добрые. Эти духи живут в темноте, отсюда понятна боязнь туземцев ночной темноты. Человеку, то есть туземцу, всю жизнь приходится бороться с злыми проявлениями духов. Духи, по мнению туземцев, могут воплощаться в человека и разговаривать с другими на непонятном языке, отсюда следствие: шаманы, работая в темноте, судорожно извиваются, бормочут непонятные слова и несут всякую чушь. Главным орудием шамана является барабан, на котором он выбивает всевозможные трели и дробь. Есть виртуозы, славящиеся игрой на барабане от Уэлена до Чауна.

По обыкновению, шаманство начинается следующим образом: когда дуют сильные ветра зимой, и охота не производится, а запас мяса на исходе, туземец, если он не имеет семейного шамана, зовет постороннего, который должен умолить духов, чтобы они не посылали голод на его ярангу. Вооружившись барабаном, шаман отдает приказания, чтобы тушили огонь в ээках. В темноте начинается сперва редкая, потом мелкая непрерывная дробь на барабане, затем темп игры замедляется, и шаман начинает петь песню, в ко-

торуую вкладывает все, что он чувствует, как он жил раньше, или какой он видел сон. Слушатели, сидя в темноте, подбадривают шамана беспрестанно выкриками: «Гэк, гэк!» Этой песнью шаман, якобы, вызывает духа. Вдруг резкий удар по барабану и за ним мелкая дробь. Дух пришел. Шаман начинает песню из другой оперы. Он жалуется духу на голод, на сильный ветер, который не дает ему охотиться и т. д.

В это время дух, якобы, влезает в шамана, шаман начинает корчиться в судорогах, несет околесицу, показывая этим, как трудно перенести сожительство духа. Потом все успокаивается, и шаман объясняет, что все будет благополучно, ветер стихнет, и голоду в этой яранге не будет. Зажигается огонь, и все присутствующие принимаются за чаепитие.

Духи, по мнению туземцев, ведут такой же образ жизни, ходят на охоту, имеют яранги и жен, только живут в скрытом месте. Это место удастся видеть только великим шаманам. Иногда шаманы бывают сильнее духов, даже помогают им в беде. На этот счет существует следующее предание...

«Всего три года тому назад умер в Наукане здешний великий шаман, который оказал в свое время медицинскую помощь духам и за что был щедро вознагражден, убивая почти ежедневно лахтаков, в то время как другие сидели по два дня на льду и не убивали даже нерпы. Однажды, отдыхая от дневной работы, шаман во сне увидел духа, который звал его к себе в ярангу, дав при этом свой адрес, вылечить жену от раны, открывшейся на ноге.

Утром шаман отправился в путь и добрал к вечеру к яранге, которая ничем не отличалась от обыкновенной яранги, и залез в полог. Там он увидел человекоподобные существа, которые и являлись жителями этой яранги. В углу действительно изнывала от боли женщина, к которой и приблизился шаман. Оказывается, недавно эта женщина вытаскивала из воды мясо кита и ходила босая по воде. К ноге ее прилипла “китовая вошь”, которая впивалась в ногу и которую никак не могли увидеть духи, поскольку в этом деле они профаны. Шаман, увидев эту “китовую вошь”, все же для блезира взял барабан (у духов тоже есть барабаны) и сыграл на нем молебствие, после чего, на мгновение закрыв рану барабаном, выдернул “китовую вошь” и избавил таким образом жену духа от мучительных страданий. Обрадовавшиеся духи возместили должное по заслугам».

В другом рассказе духи рисуются жестокими и кровожадными. «В местности теперешнего Инчауна во время, столь отдаленное, существовало селение, яранги которого строились из камня, внутри выкладывались досками. К стенкам яранги приделывались полки, на которых ночью спали, а днем складывали одежду. В один прекрасный день хозяйка одной яранги разрешилась от бремени и приподнесла своему мужу мальчика-ребенка, который ничем не отличался от других новорожденных мальчуганов. Укладываясь спать на ночь, мать новорожденного сунула ему в рот грудь и, задремав,

сама уснула. Остальные члены семьи вместе с отцом ребенка и гостями разместились на полу и уснули, только старушка, расположившаяся на полке, никак не могла заснуть и, поворачиваясь с боку на бок, взглядывала вниз и завидовала спящим. Вдруг младенец стал озираться по сторонам и с видом взрослого человека осматривать окружающую обстановку.

Убедившись, что все мирно почивают, приподнялся, открыл рот и крикнул по направлению к выходу: “Па-а-а-а!” И затем принялся за прежнее свое занятие — сосать грудь. Освидетельствовав, что вокруг спокойно, мальчик проделал вторично, что и в первый раз и затем, приложив ухо к полу, услышал очень отдаленный, ему одному понятный, ответ, и затем опять стал сосать грудь. В третий раз было проделано то же, что и прежде, только ответ послышался ближе и отчетливее. Теперь ребенок не стал сосать грудь, а принялся ее жевать, и, проглотив последний кусок груди, опять прокричал: “Па-а-а-а!”

Последовавший еще ближе ответ придал энергии мальчугану покончить и со второй грудью, и, конечно, он был весь в крови. Заметив с самого начала происходившее, старуха силилась кричать и разбудить спящих, но язык, как и все тело, оказались повиноваться ее желаниям, и она беспомощно оставалась лежать, вынужденная только созерцать происходившее. Мать же не чувствовала совершенно никакой боли, продолжала беспробудно спать, не проявляя признаков жизни. Мальчуган беспощадно стал жевать все тело матери и одновременно проглатывать кусок за куском, увеличился в росте.

Покончив с матерью, он принялся таким же образом и за отца, и в это самое время в него вселился через задний проход дух, после чего новорожденный положительно принялся за обжорство, уничтожая всех присутствующих, которые спали непробудным сном.

Одному из спящих во сне удалось проснуться и бежать. За ним последовал превратившийся в великана новорожденный, у которого кости на руках и ногах стали очень длинными. Бежавший человек с перепугу взобрался на крышу и старался не дышать, но, будучи замечен человеком-духом, был схвачен и здесь же съеден. Затем человек-дух бросился в соседнюю ярангу и начал пожирать находившихся там людей, часть которых в темноте убежала к морю и спряталась за торосы, а некоторые убежали к горам. Те, которые бросились к горам, были все съедены. Жители соседних яранг, услышав происходившее, бросились наутек к морю и присоединились к ранее спрятавшимся за торосами людям. И таким образом избавились от верной смерти. Это дело происходило зимой, а [так как] у человека-духа не было совершенно никакой одежды, то он сильно замерз и, кое-как укрывшись в горах между Науканом и Уэленом, все же не спасся от холода и окончательно замерз».

Как видно из этих рассказов-преданий, у туземцев фабулы очень просты и незамысловаты. Туземец, подвергаясь вечной опасности, голодовкам, внезапной смерти на охоте, думает, что во всем этом виноваты сверхъестественные силы — духи, с которыми и ему приходится бороться. Ясно, что с таки-

ми злыми духами могут бороться только шаманы, и туземец в каждом шамане видит не простого смертного. О великих шаманах есть много рассказов, переданные из уст в уста и раздутые до невозможности. Быть может, шаманы были во все время гипнотизеры или просто ловкие жулики. Рассказывают, что один шаман глотал длинную веревку, а потом через рот ее вытягивал кто-нибудь посторонний. Другой нырнул в море и достал со дна утонувший винчестер. Третий резал себе мускулы на груди и тут же залечивал раны. Все эти действия, передаваемые из уст в уста, постепенно преувеличиваются и создают славу шаману. Шамана считают лицом святым, неприкосновенным, способным бороться с злым духом и защищать от них других туземцев.

Есть у туземцев сказки, которые ясно характеризуют мирозерцание туземцев. Например, сказка: «Очень и очень давно в местности около Чукотского Носа расположилось эскимосское селение. В числе жителей селения Нуныгма была семья, состоящая из мужа и молодой жены. Однажды муж отправился на байдаре на охоту, очень долго не возвращался, несмотря на наступающую ночь. Жена, дожидаясь возвращения мужа, часто выходила из яранги, но мужа все не было, наконец, она села на берегу, твердо решив дождаться возвращения мужа. В это время к берегу подплыл кит, из пасти которого свободно вышел молодой человек.

Молодой человек подошел к женщине и уговорил ее вкусить с ним все прелести земной жизни, не заботясь о муже. Сделав свое дело, юноша вошел в пасть кита и скрылся в морской пучине. По прошествии положенного срока молодая женщина принесла мужу вместо ребенка китенка, муж был огорчен, но делать нечего, стал воспитывать это необыкновенное дите.

Когда кит подрос, ему отвели небольшое озерко, где он резвился и спал. Потом кита перетащили в море. Кит жил у берега, куда приходила женщина и кормила его грудью. Наконец кит вырос большим и был помечен красным крестом на спине, после чего кит уплыл в море. На следующий год кит с крестом привел с собой множество других китов и, подойдя к берегу, увлек за собой своих товарищей. Люди воспользовались этим и набили очень много китов. Так продолжалось каждый год, и жители Нуныгма жили в довольстве. Но однажды кита с красным крестом убил чукча из другого селения, и охота на китов с тех пор становится все хуже и хуже. И теперь совершенно плохая охота на китов».

Вот вам объяснение причины падения китового промысла, как она мыслится туземцами. Отсюда культ кита и вообще — культ животных. Таковы основные моменты мировоззрения, обычаев и празднеств у туземцев Чукотского полуострова.

Иванов,
Петропавловск н/К, 22/Х—26 г.